

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

БЕЛО
ГВАРДЕЙЩИНА

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Русская история

Валерий Шамбаров

**Белогвардейщина. Параллельная
история Гражданской войны**

«Алисторус»

2012

Шамбаров В. Е.

Белогвардейщина. Параллельная история Гражданской войны /
В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2012 — (Русская история)

«Белогвардейщина» – пожалуй, лучшее за последние годы исследование, посвященное Белому движению. Ее по достоинству оценили читатели, многочисленные тиражи этой книги не залеживались на полках магазинов. Написанная просто, увлекательно, и в то же время, дающая глубокий научный анализ событий, книга будет интересна и полезна учащимся, преподавателям и широкому кругу любителей истории.

© Шамбаров В. Е., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

От автора	5
1. Империя перед гибелью	7
2. Февраль	12
3. Дорога в пропасть	20
4. Красные фальстарты	26
5. Лавр Георгиевич Корнилов	29
6. Генерал Крымов	34
7. Накануне переворота	37
8. Октябрь	42
9. Поход на Питер – Краснов и Керенский	47
10. «Десять дней, которые потрясли мир...»	50
11. Михаил Васильевич Алексеев	55
12. Добровольческая армия	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Валерий Евгеньевич Шамбаров

Белогвардейщина. Параллельная история Гражданской войны

От автора

Гражданская война... Сколько литературы о ней написано, какое огромное значение в истории России она занимает! И, тем не менее, ее до сих пор можно считать «неизвестной войной». Представления о ней десятилетиями создавались пропагандистскими потоками только с одной стороны, с советской. А пропаганда – она и есть пропаганда. Соотношение сил искажалось, изображение большевиков приукрашивалось, их противников – опошлялось и очернялось. Все, что не соответствовало подобным оценкам, попросту замалчивалось. И чем дальше уходили страшные годы гражданской, тем больше лакировалась картина войны. Кинофильмы, художественная и научно-популярная литература превращали ее в легенду, в некую красивую сказку, на примерах которой требовалось воспитывать молодежь.

Но и западные источники о русской трагедии грешат откровенно предвзятым подходом. Если разобраться, они тоже представляют собой пропагандистский штамп. Хорошо знакомый нам тупой и навязчивый штамп «демократической» идеологии. Поражения белых армий и правительств однозначно объяснялись их «недостаточной демократичностью», неумением привлечь крестьян уступками в аграрной политике. Правда, факты показывают обратное. Чем «демократичнее» вело себя какое-либо правительство, тем быстрее оно погибало. И какая аграрная политика могла быть хуже большевистской продразверстки? Однако факты отменяются. Подобные взгляды прочно утвердились в западной исторической науке, а оттуда перекочевали в современную российскую.

К сожалению, страдают существенными недочетами и труды белых авторов. Их создавали проигравшие. Политики пытались задним числом доказать свою правоту, а вину свалить на других. Многие военные старались честно разобраться, почему же они были разбиты, но их кругозор оказывался слишком узким, ограничивался личными впечатлениями. Недостатки и отрицательные стороны в собственном лагере они невольно преувеличивали и выдвигали на первый план, зачастую упуская из виду, что у красных те же явления процветали в куда более крупных масштабах. А достижения и положительные стороны обычно преуменьшали или умалчивали. Считали их бессмысленными, ведь ко времени написания мемуаров эти достижения уже погибли. Мучительно переживали ошибки и недочеты в той или иной операции. Вот если бы повернуть корпус в ином направлении! Если бы перебросить дополнительную дивизию! Сражение завершилось бы иначе, а там, глядишь...

Основных своих ошибок белые так и не осознали, или осознали слишком поздно. Увлечение теми же демократическими учениями, а отсюда разброд взглядов в самом широчайшем спектре – либералы, социал-демократы, эсеры, сепаратисты. Слепое доверие западным «союзникам». К монархической идее белогвардейцы смогли вернуться только в эмиграции, да и то не все. Вернулись после того, как в полной мере испробовали на себе пагубность прочей идеологической шелухи. Там же, в эмиграции, сумели оценить на своей шкуре черствость и подлость зарубежных «друзей»...

И все-таки, невзирая на вопиющие просчеты, Белое Движение было подвигом. Оно вобрало в себя лучших сынов России, самых горячих, самых искренних ее патриотов, готовых жертвовать собой за «единую и неделимую». Хотя бы за единую и неделимую, независимо от политических ориентиров. За такую Россию, чтобы была по-прежнему великой державой,

чтобы ее никто не грабил, не растаскивал на части, не устраивал над ней чудовищных экспериментов. Белогвардейцы заслуживают того, чтобы рассказать о них.

Эта книга не касается глубинных корней революции, закулисных интриг и механизмов разрушения империи. Чтобы осветить данные вопросы, понадобились отдельные исследования, им посвящены другие работы автора. А перед вами – всего лишь полное описание гражданской войны. Но описание с малоизвестной и затертой, белой точки зрения.

1. Империя перед гибелью

Наверное, сейчас уже для каждого здравомыслящего человека очевидно, что нигде и никогда социальные революции не являются нормальным, здоровым явлением. Классики марксизма, назвав их «локомотивами истории», мягко говоря, подтасовали факты. Буржуазная революция в Англии стоила восемнадцати лет войн, резни, виселиц, диктатуры Кромвеля. Великая революция во Франции обошлась в четверть века ужасов, массового террора, гильотин, наполеоновских войн и разрухи. А гражданская война в США унесла больше жизней, чем страна потеряла во всех внешних войнах, вместе взятых, и на полстолетия отбросила Америку в разряд второстепенных государств. Опыт России стал еще более страшным.

О причинах революции 1917 г. ученые спорят до сих пор. Одни выводят их еще из преобразований Петра, расколовших народ, другие из времен Николая I и Александра III, тормозивших реформы. Третьи, напротив, винят реформы, проведенные в правление Александра II и Николая II. Четвертые сводят эти причины к неизбежным издержкам перехода к капитализму и неудачам Мировой войны. Но стоит отметить одну важную особенность – если детально и всесторонне проанализировать ситуацию, то никаких весомых причин для революции, *собственно, и не было*. Потому что никогда после 1917 г. Россия не смогла достичь дореволюционного уровня благосостояния своих граждан!

Накануне гибели Российская империя была одной из ведущих мировых держав, зачатку выступала определяющей силой или третейским судьей во всех вопросах международной политики. Она находилась на взлете своей культуры, блистала целыми плеядами великих писателей, поэтов, художников, музыкантов, философов. Не зря начало XX в. прозвали Серебряным веком русской культуры.

Страна переживала бурный экономический подъем. За 50 лет объем промышленного производства вырос в 10–12 раз, а по некоторым показателям прирост получился просто баснословным. Химическое производство возросло в 48 раз, добыча угля – в 700 раз, нефти – в 1500 раз. Огромная держава покрылась сетью железных дорог, были освоены угольные месторождения Донбасса, созданы нефтепромыслы Баку и Грозного. Были построены такие гиганты, как Путиловский, Обуховский, Русско-Балтийский заводы, сформировались крупнейшие текстильные центры в Подмосковье, Иваново, Лодзи. Текстильная промышленность полностью обеспечивала саму Россию, ее продукция широко шла на экспорт.

Но и сельское хозяйство, пищевая промышленность ничуть не уступали другим отраслям экономики. В нашей стране насчитывалось 21 млн. лошадей (всего в мире – 75 млн.). 60 % крестьянских хозяйств имели по 3 и более лошади. От продажи за рубеж одного лишь сливочного масла Россия получала столько же прибыли, сколько от продажи золота. На мировом рынке продовольствия страна была абсолютным лидером, занимала первое место в мире по производству и экспорту зерна, сахара. Половина продуктов, продававшихся в Европе, производилась в России. Между 1890-м и 1914 гг. объем внешней торговли утроился.

По темпам роста промышленной продукции и производительности труда наша страна вышла на первое место в мире. По объему производства занимала четвертое, а по доходам на душу населения пятое место в мире. Впрочем, эти цифры определялись зарубежными исследователями и являются весьма некорректными. В системы экономики западных держав были включены их колонии и сырьевые придатки. За счет этого обрабатывающая промышленность метрополий получала высокие валовые показатели. Но «души населения» колоний в расчет не принимались. И если бы, допустим, к жителям Англии добавить население Индии, Бирмы, Египта, Судана, часть Китая и т. д., то реальная цифра «доходов на душу» оказалась бы куда ниже российской.

Средняя заработная плата рабочих в России была самой высокой в Европе и второй в мире (после США). По воспоминаниям Н. С. Хрущева, он даже в должности секретаря Московского горкома партии получал меньше и имел меньше благ, чем в бытность простым рабочим до революции. Ведущие предприниматели заботились не только о бытовых условиях и оплате, но и о культурном развитии своих работников, устраивали школы, поездки в театры, музеи, концерты знаменитостей. Об условиях труда красноречиво говорит тот факт, что большинство фабрик и заводов, выстроенных до революции, без существенной реконструкции продолжали работать вплоть до конца XX века.

Конечно, существовали и проблемы. Например, в европейских губерниях России очень остро стоял земельный вопрос. Крестьянам не хватало земли, они мечтали (и всячески старались) увеличить наделы. Но даже сама эта проблема говорила о многом. Русская деревня была перенаселенной, а не запустелой и заброшенной! А жители были умелыми и трудолюбивыми, готовы были вложить в работу еще большие усилия. Им предоставили такую возможность, Николай II и премьер-министр Столыпин начали масштабную переселенческую кампанию. 3 млн. крестьян, получая значительную поддержку от казны, смогли переехать и осваивать безграничные просторы Сибири, Алтая, Казахстана, Дальнего Востока (скажем, в Забайкалье бедняцкими считались хозяйства в 15 голов крупного скота плюс 30 овец. А богатыми считались люди с тысячными стадами и десятитысячными отарами).

Столыпин провел и аграрные реформы. Раньше земля принадлежала общине, подлежала периодическим переделам. По жребию хороший участок мог достаться пьянице, а рачительному хозяину – участок, вчера принадлежавший пьянице, заросший бурьяном. Теперь желающие имели право отделиться от общины, взять землю в постоянное пользование, получить ссуды для развития частного хозяйства.

Население России достигло 160 млн. человек и быстро росло. Рождаемость была очень высокой – 45,5 детей на 1000 жителей в год. И не за счет инородцев, а за счет русских. Иметь 5, 6, 8 детей в крестьянских семьях было обычным делом. По подсчетам Менделеева, во второй половине XX в. численность жителей России должна была перевалить за 600 млн. 30 % детей получали среднее образование – заканчивали гимназии, реальные училища, земские школы. Почти все деревенские мальчики и девочки ходили в церковно-приходские школы, обучались закону Божию, чтению и письму. А в 1912 г. был принят закон о всеобщем начальном образовании.

Аппарат управления страны, о котором мы привыкли судить лишь по гипертрофированным карикатурам сатириков, был куда более отлажен и действовал куда эффективнее современного. На всю Россию насчитывалось около 250 тыс. государственных чиновников – вдвое меньше, чем при советской власти, не говоря уж о сегодняшних управленческих штатах. И при этом четко обеспечивал все функции жизнедеятельности государства. Еще сохранялось деление на сословия, но границы между ними стали уже очень зыбкими. Личное дворянство автоматически приобреталось с высшим образованием, награждением первым орденом, выслугой в первый офицерский или гражданский чин. А для получения потомственного дворянства достаточно было профессорского звания, чина полковника или, соответственно, более высоких орденских и гражданских степеней. Но преимуществ это уже не давало ни малейших, превратилось в формальность.

Россия пользовалась всеми возможными политическими свободами. Существовала свобода слова, печати. Цензура с 1905 г. была упразднена, а в 1914 г. ввели только военную цензуру. Существовал двухпалатный парламент, Государственный Совет и Государственная Дума, в ней были представлены партии, вплоть до большевиков. Запрещалась разве что экстремистская и террористическая деятельность, но ведь это нормально для любого государства. Даже большевистская «Правда» издавалась легально, а когда ее все же закрывали за противозаконные публикации, возобновляла работу под другим названием с прежним составом ред-

коллегии. Весь центральный аппарат политической полиции, знаменитого «Третьего отделения» насчитывал... три десятка офицеров. А по России и до тысячи не дотягивал. Смертная казнь применялась крайне редко – только в тех случаях, когда политика переплеталась с уголовщиной и террором.

Да, на фронтах Мировой войны случились серьезные неудачи. В 1915 г. страна пережила острый кризис с боеприпасами и вооружением, из-за этого нашим войскам пришлось отступить, оставить противнику Польшу, Литву, часть Прибалтики и Белоруссии. Но к 1917 г. положение полностью выправилось. Отечественная промышленность совершила в войну гигантский рывок, было построено 3 тыс. новых заводов и фабрик, старые модернизировались. Выпуск винтовок вырос в 11 раз, снарядов в 20, орудий в 10 раз. В производстве артиллерии наша страна обогнала Англию и Францию. Армия получила оружие и боеприпасы в таких количествах, что их хватило на всю гражданскую войну, да еще и осталось потом, раздаривалось большевиками дружественным правительствам.

Русские потери были большими, но отнюдь не катастрофическими. До февраля 1917 г. на всех фронтах было убито и умерло от ран около 600 тыс. солдат и офицеров (в Германии за тот же период – 1,05 млн., во Франции – 850 тыс.) Наши армии снова наступали, крушили неприятелей в знаменитом Брусиловском прорыве, заняли обширную территорию в Малой Азии, прорывались к Багдаду. А Германия дышала на ладан, исчерпала людские, продовольственные, сырьевые ресурсы. Ее союзники, Австро-Венгрия и Турция, были разгромлены русскими, тайком от немцев пытались завязать переговоры о мире. На летнюю кампанию готовились мощные удары по врагам – и все данные говорят о том, что в 1917 г. война должна была завершиться. Победа русских и их союзников по Антанте была реальной и близкой.

Наша страна отнюдь не надорвалась, не была разорена и измочалена. Она сохранила колоссальный золотой запас. Во всех государствах, участвовавших в войне, было установлено строго нормированное снабжение, но не в России! У нее было вдоволь продовольствия. После трех лет сражений карточки ввели только на сахар. На мясо, хлеб, рыбу никаких ограничений не существовало. В тылу, как в мирное время, сверкали огнями и манили деликатесами трактиры и рестораны. Правда, война вызывала транспортные трудности, случались перебои то с одними, то с другими товарами, этим пользовались торговцы, задирали цены. За дешевыми сортами продуктов выстраивались очереди...

Все эти причины были, конечно же, недостаточными, чтобы из-за них бунтовать, проливать кровь, совершать переворот. Но сказались факторы иного свойства. К началу XX в. значительная часть русского дворянства, интеллигенции, учащихся, оказалась заражена западными либеральными и демократическими теориями. Идеализировали Англию, Францию, искренне считали, что и для России будет лучше перестроиться по иноземным образцам. Слабели устои Православия. Многие начинали воспринимать веру на уровне красивых народных обычаев. Другие и вовсе отбрасывали ее. Слепо перенимали зарубежные оценки событий, чужие взгляды. Русские особенности государства, власть царя, Церковь, безоглядно относили к «реакционным институтам», а все, что противостоит им, причисляли к «прогрессивному». Доходило до того, что суды присяжных симпатизировали революционерам и террористам, оправдывали их под общие оации.

Очень быстрое промышленное развитие России тоже дало побочные эффекты. С одной стороны, набрали вес крупные предприниматели и банкиры. Изрядно округлив состояния, они потянулись к политической власти – такой же, как у их западных коллег. Эти деятели верховодили в Государственной Думе, организовывали и финансировали оппозицию. Выдвигали проекты реформ, чтобы самим дорваться к рычагам управления страной. А с другой стороны, промышленный бум привел к значительному росту числа рабочих. Не только квалифицированных, но и чернорабочих, люмпенов, случайного сброда. Подобная публика скапливалась в фабричных центрах, где можно найти временные заработки. Война усугубила этот процесс.

Лучшие рабочие-патриоты уходили в армию. Даже те из них, кто имел броню на оборонных заводах, вставали в строй добровольцами. А на их места потянулись шкурники, именно в поисках брони. Для агитаторов и смутьянов формировалась самая подходящая почва.

Накопились противоречия и в деревне. Столыпинская реформа велась как раз по западным образцам. Но русские крестьяне не успели превратиться в крепких собственников-фермеров. Зато традиционные деревенские общины были разрушены. Люди утрачивали чувство единства, взаимопомощи, плеча соседей. Земля, прежде общая, становилась предметом раздоров. Разорившиеся крестьяне завидовали удачливым соседям, видели в них хищников, как бы обокравших односельчан.

А на всех этих слабостях успешно играли враги России. Ее внутреннее разложение во многом стало результатом целенаправленных диверсий. К началу XX в. правительства и спецслужбы великих держав уже отработали подобные методики – поддержать оппозицию, возбудить недовольство, спровоцировать волнения. Против России разрушительные технологии впервые были опробованы в период Русско-японской войны. Недовольство стало нагнетаться искусственно. Зарубежные газеты, а с их подачи и российские, всячески раздували масштабы поражений, было спровоцировано «Кровавое воскресенье». Советники царя настояли на реформах, был издан Манифест от 17 октября, превративший Россию в конституционную монархию, даровавший ей политические свободы. Но это лишь подлило масла в огонь, революционерам открылась дорога для легальной деятельности. И в тот самый момент, когда наши армии на Дальнем Востоке готовились к решительному наступлению на врага, тылы были взорваны революцией.

Но в России еще возобладало здоровое начало. За веру, царя и Отечество поднялись патриоты, казачество, подавляющая часть вооруженных сил. Мятежи были легко подавлены. Правительство возглавил Петр Аркадьевич Столыпин. Не считаясь с воплями разбушевавшейся общественности, с мнениями иностранцев, он не побоялся разогнать слишком радикальную Думу. Ввел военно-полевые суды, ценой жизни немногих погромщиков и террористов остановил вакханалию анархии и преступности. Страна быстро преодолела раздрай, вновь упрочила положение на международной арене, продолжалось ее мирное развитие.

Однако в этот же период, в 1907–1914 гг., усилилась раскачка государства. Ее вели и Дума, и либеральная пресса, принадлежащая российским толстосумам, и революционеры, а за ними стояли зарубежные покровители. Грянула Мировая война, и разрушительные технологии были запущены на полную катушку. Германия и ее сателлиты внедрили широкий план по развалу тылов противника. Радикальные революционные партии, сепаратистов, националистов напрямую брали на содержание. Ряд российских банков и фирм были тесно связаны с германскими, через них шло финансирование, осуществлялись экономические диверсии. Из-за границы проникала агентура: в разгар войны двери в нашу страну были широко открыты, в нее можно было свободно попасть через Швецию и Финляндию, входившую в состав империи, но не подчинявшуюся ее юрисдикции (именно из-за этого самому сильному разложению подверглись Балтфлот и Петроград).

Впрочем, к разрушению страны приложили руку не только ее противники, но и союзники. Россия выступала главным конкурентом Англии, Франции и Америки в мировой экономике. А сила и доблесть русских армий напугали «друзей». После войны пришлось бы учитывать требования царя, делиться плодами победы. Западные правительства и их агенты прилагали все усилия, чтобы не допустить этого. Иностранные дипломаты опекали думских либералов, подталкивали добиваться кардинальных реформ. Оппозиция нагнела, позволяла себе безобразные выходки. А когда царь и правительство пытались прижать Думу, на ее защиту вставали те же иностранцы! Союзники. Разве можно было не считаться с ними?

А в результате получалось, что враги и «друзья» России, ее собственный парламент, пресса, реформаторы, революционеры, даже патриоты, поддавшиеся влиянию союзников, дей-

ствовали в одном направлении. Каждый преследовал свои цели, нередко противоположные друг другу, каждый мечтал о своем, но раскачку вели вместе. Многие были и впрямь убеждены: если изменить основы государственности, русским это пойдет только на пользу. Остальных настойчиво убеждали, внушали представления о недостатках «царского режима». Впечатление от побед старались подпортить, распространялись версии о невиданных потерях. Неудачи преувеличивали, объявляли национальным позором. Временный кризис со снабжением (он проявился во всех воюющих странах) объясняли не иначе как «отсталостью царизма».

Русские люди в то время были избалованы изобилием, высоким уровнем жизни – на этом тоже играли. Подогревалось возмущение даже небольшими трудностями военного времени, подорожанием, нехваткой каких-то товаров. Очереди за продуктами представляли как настоящее оскорбление человеческого достоинства. Лидеры Думы захлебывались жаркими речами, либеральные и демократические газеты критиковали каждый шаг правительства, все шире бурлили забастовки рабочих – их подбивали все кому не лень, а они и рады были побужить, потребовать повышения зарплаты (и без того высокой).

Николай II был честным, отзывчивым, благородным человеком. Но по натуре очень мягким. За подавление революции 1905 г. его оплевала вся западная общественность, клеймила как «палача» и «убийцу» (хотя в Англии или Франции любой бунт подавлялся куда более жестоко, чем в России). Царь больше не хотел такой славы, суровых мер по наведению порядка не предпринимал. Конфликт с оппозицией он старался уладить миром – ведь свои, русские, неужели нельзя договориться хотя бы на время войны? Шел навстречу, снимал членов правительства, вызывавших нападки общественности. Но выходило еще хуже. Атмосфера в стране накалялась. Вместо опытных министров назначались лица случайные, некомпетентные. Пролезали интриганы или деятели, которые просто сумели понравиться Николаю II, как министр внутренних дел Поливанов. Он полностью игнорировал тревожную обстановку, успокаивал царя и царицу бодрыми докладами – все в порядке, ситуация под контролем.

Но бездействие власти подрывало авторитет государя. А смутьяны всех мастей делали все возможное, чтобы совсем порушить его. Распространялись грязные лживые сплетни про царицу, про Распутина. Добавилась еще более страшная клевета – дескать, при дворе свила гнездо измена. Отсюда и нехватки со снабжением, отступление, царица и ее окружение тайно пересылаются с немцами. К началу 1917 г. заговорщики, изменники и их иностранные подстрекатели добились своего. Николай II потерял опору даже среди монархистов. Кто-то мало-помалу поддавался потокам порочащих слухов. Кто-то видел, что империя катится к гибели, но считал, что для ее спасения нужен другой царь, более решительный, энергичный, способный навести твердый порядок. А между тем, ситуация подошла к критической грани, Петроград превратился в настоящую пороховую бочку. Как это нередко бывает, грозные события начались неожиданно...

2. Февраль

Революция – стихия... Землетрясение, чума, холера – тоже стихия. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует...

И. А. Бунин

Хороша или плоха была Февральская революция? Нужна или нет? Вряд ли этот вопрос имеет смысл. Февраль, в отличие от Октября, был стихийным явлением. Как в грозовой туче: накопилась разность потенциалов – и грянуло. Вряд ли можно выделить и правую сторону в данном социальном конфликте. По меткому выражению председателя Государственного Совета Щегловитова, на одном полюсе общества оказались «паралитики власти», а на другом – «эпилептики революции». Назревал конфликт давно, но никаких мер для его лечения – ни «профилактических», ни «хирургических» – не предпринималось. И прорвался он внезапно.

Искрой в бочке пороха стали всего лишь трехдневные перебои в Петрограде с черным хлебом. Только с черным – белый, чуть подороже, лежал свободно. Для этого имелись и объективные причины – снежные заносы, помешавшие подвозу муки. Пошли слухи; что на хлеб введут карточки, и дефицит тут же усилился: хлеб начали скупать на сухари. Все большее число людей, отстоявших «хвост» – т. е. очередь, которые и без того возмущали тогдашних россиян, – оставались с пустыми руками. По нынешним временам и не заметили бы. А в начале века это было неслыханно! И 23 февраля взорвалось. Город забурился. Наложился еще ряд факторов. По старому стилю 23 февраля – это 8 Марта, Международный женский день. Как всегда, по случаю «пролетарских праздников» социалисты готовили очередную забастовку. Не какую-то экстраординарную, а рядовую, как бы «плановую» – лишний раз о себе заявить. Тем более что стачкомы оборонных предприятий щедро подкармливались германской агентурой (естественно, через благовидное посредничество нейтральных лиц, чтобы рабочие не отшатнулись от такой «помощи»). Эта забастовка никакого размаха не получила, но некоторые цеха и заводы все же откликнулись, на работу не пошли. Ну а кроме того, после долгих морозов и метелей выдался погожий денек, и улицы были полны гуляющей публики. Стихийные волнения начали, как снежный ком, обрастать народом. Забастовщики ринулись агитировать и звать за собой другие заводы. Неуправляемые толпы, в которые затесалось много подростков, буянов с рабочих окраин, просто хулиганья, принялись громить продуктовые лавки и магазины. Что-то разворовывали, а больше разбрасывали и втоптывали в снег, голода никакого не было, и продуктов лежало полно, хотя во время войны они и подорожали. Накапливаясь, толпы хлынули от окраин к центру, подпитываясь там за счет студентов, курсисток и прочих сочувствующих. К одним обидам приплюсовались другие, из воплей «хлеба!» стали рождаться крики «долой!». Кое-где образовывались стихийные митинги, разгонялись полицией, но тут же перетекали в другие места. К вечеру волнения вроде утихли, но на следующий день возобновились с новой силой. Теперь уже забастовали почти все заводы, и то же самое повторилось с гораздо большим размахом.

Еще можно было предотвратить катастрофу, навести порядок. Но царь находился в Ставке, в Могилеве, а его правительство было уже далеко не то, что в 1905–1907 гг. Мало-мальски деловые люди из него постепенно изживались, слишком уж неудобными они были, беспокойными. А оставались приспособленцы, придворные шаркуны, умеющие подстраиваться к мнениям царицы, выдвигенцы Распутина. На момент кризиса в столице оказался, наверное, наихудший состав правителей из всех возможных. Никаких действий против беспорядков практически не предпринималось. Как-нибудь само уляжется, ведь волнения и прежде случались. Два дня о событиях в столице даже не докладывали царю! Он, правда, получал тревожные сигналы от председателя Думы М. В. Родзянко, от частных лиц, но они тонули в гладких

и благодушных рапортах его любимчика, министра внутренних дел Протопопова, военных и гражданских властей.

А положение в Питере обострялось стремительно. Войдя во вкус и чувствуя безнаказанность, разбушевавшиеся толпы били витрины, останавливали и переворачивали трамваи. Полиция цепочками в 10–20 человек противостоять многотысячным шествиям не могла. Городовых забрасывали камнями, льдом, досками. Кое-где из толпы раздавались и револьверные выстрелы. Среди полиции появились раненые, а потом и первые убитые, а самим им применять оружие запрещалось. В середине дня 24.02 градоначальник Балк запросил войска. Однако казаки, выехав на улицы, никакой помощи полиции не оказывали. На третьем году войны в Питере находились уже не прежние отборные служаки, выученные бороться с беспорядками, а обычные станичники с бору по сосенке – кто после фронта, кто от сохи. У них и нагаек не было, а боевое оружие использовать запрещали. Что ж, с кулаками переть на толпу? А многие сочувствовали демонстрантам и считали уличный разгон недостойным себя делом. Кроме того, формально казаки не были подчинены полиции. По планам военного времени, составленным все тем же Протопоповым, в случае беспорядков общее руководство их подавлением переходило к военным властям. В Петрограде ее принял командующий округом ген. Хабалов, личность в практическом отношении не менее бездарная. Боевым генералом он не был, продвигался по линии военно-учебных заведений, затем побыл губернатором Уральской области и по протекции получил теплое место в столице. Точно так же и на местах не военные командиры поступали в распоряжение полицейских начальников, а наоборот. А военным командирам все это было до лампочки, многие из них даже города как следует, не знали. Поэтому казаки в лучшем случае сопровождали городских, подкрепляя их своим видом. А на просьбы о реальной помощи не реагировали. И при столкновениях с демонстрантами оставались сторонними наблюдателями. Мало того, 25.02 при разгоне митинга у памятника Александру III какой-то казак (пьяный? идейный? или просто дурак?) зарубил шашкой пристава Крылова. Молва разнесла слух об этом «подвиге» по всему городу, и казаков затопили морем симпатии – качали на руках, кормили и напавали, славил «казаки за нас!». Чего еще станичнику надо?

Ненадежных казаков перестали выпускать из казарм. Но столичная пехота была ничуть не лучше. По традиции здесь квартировала гвардия. Точнее, настоящие гвардейские полки были на фронте, а в Питере остались от них запасные батальоны для формирования пополнений. Численность их была огромной, каждый батальон с хорошую дивизию, в ротах по полторы тысячи. Главным образом только что призванные новобранцы. Попадали сюда и после лазаретов, попадали пойманные дезертиры и отбывшие срок преступники. Сюда же направляли местных, питерских призывников (а поскольку на большинстве заводов была броня, этот контингент оказывался вообще сомнительным – из безработных и чернорабочих, не подлежащих бронированию). Офицеры – из инвалидов, из только что окончивших училища, из умеющих устраиваться в тылу. Да и было их по штатному составу – как на нормальный батальон. Они не только своих солдат, но и унтеров порой не знали, разве это возможно в такой массе, постоянно меняющейся? Ни о какой толковой подготовке там речи быть не могло – на фронте прибывших солдат приходилось учить заново. А что уж говорить о какой-то спайке, дисциплине, боевом духе? Предложение разместить в Питере несколько надежных строевых частей, именно на случай беспорядков, Хабалов в свое время отклонил. Лишние части – лишние заботы.

Теперь «гвардейские части» выводили в оцепления, и они стояли. Манифестантам это нисколько не мешало. Демонстрации убирала флаги, разбивались на группы и свободно проходили сквозь оцепления: гулять-то не запрещается. Или обтекали по боковым улицам – планы оцеплений оказались таковы, что вполне это позволяли. Никакого разгона солдаты, конечно, не производили – офицеры опасались пускать их, ненадежных и совершенно необученных. Многим офицерам претила такая «грязная работа», бросающая пятно на их честь. По воен-

ному времени часть их была из тех же студентов, и, если бы не мундир, с удовольствием сами покричали бы «долой!».

Ничто не мешало волнениям разрастаться. Ширились митинги, демонстрации, множились хулиганские выходы. На окраинах разбушевавшиеся толпы начали громить полицейские участки и убивать городских. Лишь тогда власти решились на какие-то активные действия. Запоздалые либо непродуманные. Только вечером 25.02 доложили о событиях в Ставку царю – причем в очень сглаженном, тщательно отредактированном виде. После долгих прений и колебаний войскам было от дано разрешение применять оружие (конечно, с массой оговорок). Хабалов оповестил об этом население в расклеенных объявлениях. Но за три дня все уже привыкли, что войска вполне безобидны. Угрозам никто не верил, и 26.02 все разлилось по-прежнему. Мало того, стали задирать самих военных. И стрельба произошла. Стреляли по толпе драгуны – по ним из гущи людей пальнули из револьвера и ранили солдата. Стрелял Павловский полк – тоже после выстрела с крыши, убившего рядового. Стрелял Волынский полк – сначала по приказу, несколько залпов в воздух, но толпа манифестантов стала издеваться над солдатами. И в сердцах вдарили... Впрочем, многие новобранцы и стрелять почти не умели, глаза зажимуривали. Кто-то и в воздух хотел или по ногам, а уж куда попало... Конечно, общественность тут же подняла волну протестов, но и буйствующая по улицам вольница была напугана, стали разбегаться по домам. Правительству показалось, что беспорядки больше не возобновятся...

Интересно, что для революционных партий – эсеров, меньшевиков, большевиков – февральские события тоже явились неожиданностью. Они лихорадочно соображали, как бы эти волнения использовать, как самим в них поучаствовать. После стрельбы, оценивая состояние народа, они тоже приходили к выводу, что все закончилось и на следующий день рабочие вернуться на заводы. Готовились лишь внести эту дату в свои «святцы» наравне с 9 января и использовать в агитации...

Однако наложились новые события. В ночь на 27.02 премьер-министр Голицын пустил в дело заготовленный у него на всякий случай (подписанный, но без даты) царский указ о роспуске Думы. Дума традиционно была центром демократической оппозиции. Частенько ее депутаты сыпали обвинения в адрес властей – то обоснованные, а то и голословные, рассчитанные на собственную популярность. В общем, вели себя примерно так же, как российская Дума 1990-х. Царь имел законное право на роспуск Думы, хотя в данном случае парламент не имел никакого отношения к событиям. Скрытый мотив решения правительства понять нетрудно: избежать думского шума по поводу стрельбы и жертв. Этим же вечером пришла телеграмма от царя, с запозданием узнавшего о волнениях: «Генерал-лейтенанту Хабалову повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией».

Приказ передали в полки, среди ночи довели до офицеров и унтер-офицеров.

Но как раз этой ночью произошел надлом в тех полках, которые стреляли в народ – Павловском и Волынском. Только что призванные, неопытные солдаты оказались в шоке от пролитой ими крови – крови своих же граждан. Терзались и калялись. В казармы проникали посторонние, партийные агитаторы и просто из народа, укоряя, что же они натворили – охранялись казармы плохо, а в городе не было объявлено ни комендантского часа, ни усиленного патрулирования, ходи, когда хочешь и куда хочешь. И тут же к солдатам, измученным тремя днями в оцеплениях, находящихся в трансе от убийства «своих», дошел приказ царя «завтра же прекратить в столице беспорядки». Значит, снова идти и снова убивать (хотя беспорядки, вероятно, уже и не возникли бы). И они взбунтовались. Полуторатысячная рота Павловского полка вырвалась с оружием на улицу. С ней вступили в перестрелку всего десятков городских, но даже такого отпора мятежники не выдержали. Отступили в казармы, дали себя окружить, разоружить и выдали зачинщиков.

В Волынском полку пошло иначе. Взбунтовавшись под утро, там убили офицера – и путь назад был отрезан. Уже из инстинкта самосохранения бросились вовлекать в мятеж полки, расквартированные по соседству. Подняли часть преображенцев, тоже взывая к их совести – именно преображенцы ночью окружали и разоружали павловцев, тоже согрешили «против своих». Потом совместными усилиями подняли Литовский полк Смирных, опасющихся бунтовать, старослужащие и казарменные забияки выгоняли из казарм силой – ты что, против нас? Эта толкотня в казармах и дворах, во время которой были убиты еще несколько офицеров, длилась не менее двух часов. И никаких действий против мятежников за это время предпринято не было. Начальство растерялось, не решаясь что-либо делать без приказа, рапорта по команде передавались наверх... а Хабалов, считавший, что отдал накануне все распоряжения, переутомившись от напряжения последних дней, спал. И отключил телефон!

Пятнадцатитысячная солдатская толпа понеслась по улицам, и процесс пошел лавинообразно. В выставленных по вчерашним планам оцеплениях были такие же «запасные». Стрелять «по своим» они не могли. А нарушив приказ, автоматически сами становились бунтовщиками и вливались в общую массу. Офицеров, пытающихся остановить ее, образумить или сопротивляться, толпа убивала. Штаб Хабалова пребывал в полной прострации. Для подавления назначили заместителя командира Преображенского полка А. П. Кутепова, приехавшего с фронта на побывку. Это был умный и волевой офицер, но сил ему дали всего человек 500, надерганных кто откуда. Приданные 12 пулеметов оказались без патронов. Все же он сумел организовать свой разношерстный отряд и после короткого боя очистил район восстания. Да много ли мог сделать один Кутепов в огромном городе? Выбитые с Литейного, мятежники растеклись толпами кто куда, большинство хлынуло на Выборгскую сторону. Прямо во взрывоопасные рабочие районы. И восстание полыхнуло во всю мощь... Бунтовщики пытались увлечь воинские части, расположенные здесь, – офицеры с небольшими командами надежных солдат дали отпор. Хотя и понесли потери, но их казармы оставили в покое. Зато солдаты, уже вместе с рабочими и шпаной, разгромили арсенал – разграбили 40 тыс. винтовок, несколько тысяч револьверов, огромное количество патронов. Утекло в народ и оружие со складов оборонных заводов. Захватили 7 тюрем – и толпы получили новых вожаков, как политических, так и уголовников. И все эти массы снова потекли к центру города, многократно умножившиеся и вооружившиеся. Боеприпасов было в избытке, шла непрерывная пальба в воздух. Появилась новая мода – захватывали автомобили и, набившись в них, носились по улицам. Случайно встреченных офицеров разоружали, срывали погоны. Полицейских и жандармов убивали. От густой стрельбы в воздух, пули падали на излете, рикошетом отскакивали от стен, попадая в людей, – и пошел слух, что полиция с пулеметами засела на чердаках. Палили и по чердакам, по окнам, показавшимся подозрительными. Уже по всему городу громили полицейские участки. В некоторых городские отстреливались до конца, поняв, что все равно обречены. Разнесли и подожгли здания судов, Охранное отделение, а попутно и армейскую контрразведку – по наводке выпущенного из тюрьмы шпиона Карла Гибсона...

Важные события разворачивались в Думе. Собравшись на очередное заседание, депутаты узнали о ее роспуске. Но не расходились – куда расходиться, если на улицах такое творится? Висели на телефонах, узнавая новости, обсуждали их по коридорам Таврического. А в обществе, особенно в интеллигентной части, разгон Думы вызвал новую волну возмущения. Прошел слух, что распущенная Дума отказалась расходиться. Студенты и гимназисты, вливающиеся в мятежные толпы, поворачивали некоторые из них «на защиту Думы»! От «реакции». Обычный бунт стал приобретать идеологическое содержание. Дума, помимо своего желания, становилась центром революции! Некоторые уже спрашивали у ее лидеров дальнейших указаний. Многие солдаты, протрезвев и устав от погромов, шли сюда просто потому, что некуда идти. Сюда же стали вести «арестованных» – членов Государственного Совета, жандармов, просто «подозрительных» – и их вынуждены были принимать, хотя бы ради спасения от само-

судов. Депутаты разделились надвое. Большинство во главе с М. В. Родзянко считали, что авторитет Думы надо использовать для усиленного противодействия развалу и анархии. В качестве такого органа был создан «Временный комитет Государственной Думы для поддержания порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами». Левых во главе с Керенским и Чхеидзе несло в другую сторону. Они считали, что должны возглавить начавшуюся революцию. К Керенскому, широко известному по России самыми скандальными думскими речами, многие пришедшие мятежники прямо обращались как к «руководителю революции» – и ему это нравилось, он уже примерял эту роль, все щедрее рассыпая указания и швыряя лозунги.

Между тем Родзянко, обнаружив, что Временного комитета повстанцы слушаются и признают его авторитет, поехал в Мариинский дворец для встречи с правительством, чтобы договориться о совместных действиях. Но... обнаружил, что никакого правительства уже нет! Подав царю прошение об отставке, одни министры разбежались, другие в шоковом состоянии были готовы к тому же. Переговоры с братом царя Михаилом Александровичем, с предложением возглавить власть в городе, кончились ничем. Михаил отказался, не имея на то официальных полномочий. После этой поездки Родзянко Временный комитет Думы решил принять на себя правительственные функции – «взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». Причем первым предложил такое решение монархист Шульгин, подразумевая, что «Временный» орган передаст потом власть нормальному правительству, созданному царем. Основную часть комитета составили кадеты – либеральный «центр» Думы, самая авторитетная политическая партия (официально – Партия народной свободы).

Но власти-то всем хочется! Социалистические фракции Думы были мизерные, в демократической борьбе им ничего не светило. Однако в Таврический стягивались не только солдаты и студенты с рабочими. Собрались и партийные деятели, в том числе только что вышедшие из тюрем. И под крылышком нескольких своих думских депутатов решили тут же «явочным порядком» создать свой орган власти Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов. Тут же решили избрать в него по одному солдату от роты и по одному рабочему от тысячи... Да какие там выборы! Где их проводить, если заводы не работали, а солдаты рассыпались по улицам? Набрали тех, кого успели пропихнуть партийные лидеры на стихийном совещании. Так началось небезызвестное двоевластие.

А ген. Хабалов весь день бездействовал. У него оставалось еще много гвардейских запасных батальонов – Семеновский, Измайловский, Московский, Финляндский, Кексгольмский, Ингерманландский, Павловский, Егерский, Гренадерский и др. Их командиры отвечали, что они ненадежны, и лучше держать их в казармах, а то вдруг тоже взбунтуются. Оставалось много технических частей – малочисленных, но сильных в боевом отношении и, безусловно, верных командованию – пулеметные, самокатные, броневые, саперные, авиационные. По малочисленности их вообще не взяли в расчет, забыли. В распоряжении Хабалова было 8 военных училищ, 2 кадетских корпуса, школы прапорщиков, и юнкера сами рвались в бой, но командующий отказал. Ему казалось недопустимым вовлекать будущих офицеров в такое несвойственное им дело, как подавление уличных беспорядков. Им приказывали продолжать обычные занятия. Сильный резерв все же удалось собрать на Дворцовой площади: измайловцев, кексгольмцев, павловцев, егерей, часть Гвардейского экипажа, 2 батареи. Однако, собрав вместе, о них... забыли. Они простояли на площади целый день, не получая приказов, промерзли, измучились, проголодались, а к ночи мороз усилился, и они стали расходиться по казармам. Об отряде Кутепова тоже забыли. Он весь день прикрывал район Литейного, не получая никаких указаний, а сам дозвониться до градоначальника не мог – ведь туда со всего города звонили. Кутепов отразил несколько атак и наскоков повстанцев, а с наступлением темноты они обошли его переулками, проходными дворами и растворили в себе его сборную команду. Самому ему едва удалось скрыться.

К ночи и непосредственно у Хабалова собрались немалые силы – гвардейская кавалерия, жандармский дивизион, полиция, пехотные роты – около 2 тыс. штыков и сабель при 8 орудиях. Их вполне хватило бы, чтобы одним решительным ударом подрубить революцию, особенно среди ночи, когда массовый порыв угас, и на улицах остались лишь дезорганизованные кучки мародеров. Но растерявшийся Хабалов уже считал город потерянным. Подсчитал «до 60 тысяч» врагов – как будто это были кадровые дивизии, а не беспорядочные толпы, к тому же разошедшиеся спать по домам и казармам. И решил до подхода подкреплений с фронта занять глухую оборону в Адмиралтействе (была сильная Петропавловская крепость с артиллерией и надежным гарнизоном – о ней тоже забыли). Интересно, что из Адмиралтейства Хабалова попросили удалиться моряки, заявив, что его солдаты мешают нормальной работе их штаба! И отряд послушно перешел в Зимний дворец. Но и оттуда выставили – приехал переночевать великий князь Михаил Александрович и решил, что дворец нельзя превращать в поле боя. Вернулись в Адмиралтейство. Там оказалось нечем кормить лошадей – пришлось отпустить кавалерию. В атмосфере безнадежности и бесцельных блужданий стали помаленьку исчезать солдаты...

В Ставке только 27.02 открылась грозная правда. В общем-то, еще ничего не было потеряно. Петроград – всего один город, хоть и столичный. Парижскую Коммуну успешно раздали в гораздо худших военно-политических условиях. В Могилев, где находился царь, можно было перенести не только военное, но и гражданское управление страной. Под ружьем была 12-миллионная армия. Требовались лишь соответствующие действия – силовые и политические. Но для таковых Николай не годился. К нему сыпались обращения о необходимости срочных реформ, способных если не утихомирить Петроград, то не дать распространиться волнениям на другие города. Об этом телеграфировали Родзянко, Голицын, брат Михаил, командующие фронтами, обращался даже ген. Алексеев, начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Да и реформы-то пока требовались относительно небольшие: снять дискредитировавших себя министров, созвать новое правительство из лиц, популярных в стране... Николай отказал. И не утвердил прошение об отставке прежнего правительства (уже разбежавшегося). Для силового подавления мятежа он назначил Н. И. Иванова – некогда храброго и боевого генерала. Только вот... ему было 65 лет, и он уже без назначений проживал при Ставке в качестве приятного царского собеседника. Для решительных действий он совершенно не подходил – наоборот, даже раньше, в 1905 г., был известен умением усмирять бунты уговорами и «вразумлением». Впрочем, Николай так и хотел – миром бы все как-нибудь уладить, и все. В непосредственное подчинение Иванову давались Георгиевский батальон, пулеметная команда. И, чтобы не очень ослаблять боевые порядки, по 4 полка с Северного, Западного и Юго-Западного фронтов. С ближайшего к Петрограду, Северного, полки могли прибыть в столицу к 1 марта. Но... Иванов со старческой обстоятельностью и неторопливостью решил сосредоточивать все свои силы «на подступах» к Петрограду. Да и тут все решения и планирование отложил до следующего дня – не работать же старику по ночам. А Николай, вместо того чтобы сосредоточить в Ставке все нити управления, решил на завтра ехать в Царское Село. Из-за простого человеческого чувства – он ведь тревожился за жену и детей.

А 28.02 обстановка снова изменилась коренным образом. То, что Временный комитет Думы принял на себя власть, повлекло новые последствия. Одно дело беснующаяся толпа солдат и черни, другое – Дума, вполне легитимный орган власти. Оппозиционный – но и все общество было в той или иной мере оппозиционно самодержавию и придворной верхушке, причин и поводов для недовольства накопилось изрядно. А тут вдруг оказалось, что правительства нет, Хабалов похоронил себя в Адмиралтействе (о чем и знали-то немногие), и Дума осталась единственной властью. К ней пошел народ, приветствуя победившую революцию – и интеллигенция, и рабочие, – их Совдеп пока что опасливо держался тут же, под крылышком Думы. Мало того, к ней пошли войска – уже не вчерашние толпы погромщиков, а настоящие полки. С

офицерами, с музыкой. Те, что вчера просидели в казармах и даже готовы были противостоять бунту. Командование само забыло о них, бросив на произвол судьбы, – и кто мог теперь им дать разъяснения, какие-то указания, как не Дума? И кто, как не Дума, мог теперь защитить их от вчерашних инцидентов? Да и сами офицеры – разве русские дворяне не воспитывались на традициях интеллигенции? Поддержать Думу они оказались морально готовы. А для тыловых приспособленцев, которых в столице тоже хватало, подобный ход был вполне естественным – побыстрее зарекомендовать себя перед новой властью. Первыми пришли преображенцы – не бунтовавшие, а простоявшие вчерашний день на Дворцовой площади. За ними потянулись другие. С артиллерией, с броневиками. Дошло до того, что моряков Гвардейского экипажа привел к Таврическому дворцу великий князь Кирилл Владимирович. Он тоже был сторонником демократических преобразований. И когда произошло единение всех разнородных сил, революция, которую никто, собственно, не делал, которая «сама получилась», – действительно победила.

Весть о ее победе волной прокатилась по другим городам России. Кто мог противостоять этой волне? Правительство, разбежавшееся и частично арестованное? Местные власти? Так они не имели на то никаких указаний. Царь? Он находился в дороге, оторвавшись ото всяких рычагов управления. Ген. Алексеев из Ставки? Это не входило в его компетенцию, и в тылу никто не стал бы его слушать...

В Москве, где не было никаких бунтов и волнений, народ стал группироваться вокруг городской Думы, и туда же, как в столице, перетекли военные части – с оркестрами и командирами во главе. Впрочем, не везде революция выглядела празднично. Гельсингфорс (Хельсинки) и Кронштадт 1–4 марта щедро умылись кровью. Вслед за рабочими манифестациями в дело вступила матросня, круша все, начиная с винных складов. Начались повальные погромы и убийства. Убивали не только «драконов», но и кого придется под горячую руку да пьяную лавочку. Только читателю следует пояснить, что эти две базы не были «боевыми». В Гельсингфорсе стояли линкоры и крейсера – громадины, не принимавшие участия в сражениях. Всю войну они лишь патрулировали минное заграждение, перегородившее врагу вход в Финский залив. Всю войну здесь маялись с тоски и дурели от однообразия. Гельсингфорс подчинялся финской юрисдикции, был вне компетенции Охранного отделения и армейской контрразведки, он кишел германской агентурой и беспрепятственно разлагался несколько лет. А Кронштадт вообще был тыловой базой с учебными судами, складами да флотскими тюрьмами. Естественно, и рутины, и злоупотреблений здесь хватало. Для сравнения – в Ревеле (Таллине), где базировались эсминцы и подлодки, не вылезавшие из боев, ни убийств командного состава, ни особых беспорядков не было.

А царь ехал прямо в эту кашу! И ехал из-за медлительности ген. Иванова впереди сосредоточиваемых к Петрограду надежных полков. Ехал через Вязьму, Бологое, а в Малой Вишере пошли слухи о каких-то войсках, перекрывших путь дальше. Да и опасно было царю следовать сквозь Петроград. Повернули на Псков, узнавая случайные новости и с трудом ориентируясь в обстановке. Тем временем отречение царя становилось требованием всей России. Для большинства (пока) отречение именно этого царя. Даже для правых. Для них он стал виновником произошедшего взрыва, показав свою неспособность что-либо сделать для спасения страны. Последней каплей стала телеграмма военачальников. Главнокомандующие фронтами и флотами, видя, что катастрофа захлестывает армию, просили об отречении. Телеграмму подписали великий князь Николай Николаевич, генералы Эверт, Брусилов (потом служил Советам), Рузский (в 1918 г. расстрелян красными), Алексеев (основатель Добровольческой армии), Сахаров, адмирал Непенин (через день убит пьяными матросами). Воздержался лишь командующий Черноморским флотом вице-адмирал Колчак. От Думы к царю выехала делегация в составе Гучкова и Шульгина. Николай уже принял решение и подписал отречение. Хотел схитрить? Спасти от смуты сына? Подписанное им отречение было недействительно. По россий-

ским законам о престолонаследии монарх имел право решать только за себя, но не за наследника. Николай же, вместо отречения в пользу Алексея с назначением регента, отрекся в пользу брата Михаила. Надеялся после бури вернуть сыну престол? Загораживал больного ребенка от опасности? Кто знает...

Дума предложила Михаилу Александровичу занять престол до Учредительного Собрании. Посовещавшись со своим адвокатом, он отказался. Формально сославшись на незаконность отречения. Реально – брать власть значило бы взвалить на себя ответственность за обуздание стихии. А Михаил всегда чувствовал отвращение к политике. Тогда на основе Временного комитета Думы было создано Временное правительство. Князь Н. Львов, Гучков, Милюков, Коновалов, Мануйлов, Терещенко, Шингарев, В. Львов, Годнев, Керенский. Его председателя кн. Львова утвердил сам царь одновременно с отречением. «Временное» – потому что оно брало власть только до Учредительного Собрании, органа, свободно избираемого всем народом, чтобы решить и политическое, и экономическое устройство будущей России. Более капитально реорганизовался и Петроградский Совдеп. Кого-то «кооптировали», кого-то из случайных лиц, попавшихся туда в горячке 27.02, «отозвали». И тоже заявили претензии на власть. Причем уже не городскую, а общегосударственную!

А ген. Иванов двигался к Петрограду. Пока распланировали, пока разослали директивы, пока грузились. Действовал не торопясь, отслеживал движение подчиненных частей. Добрался да Пскова – «а по какой надобности?» «По приказу императора».

«Какого еще императора? Нет такого. Отрекся». Император же вернулся домой и был взят под следствие. Очень переживал, когда узнал, что в общей массе на сторону революции ушел даже его конвой из 500 чел., каждого из которых он знал лично, и не только по именам. Вот так совершилась «общенародная, светлая и бескровная» революция. Между прочим, не такая уж бескровная. Только в столице в дни революции были убиты и ранены 1443 человека. Значительную долю погибших составили служащие петроградской полиции. Потом ходили упорные слухи, что именно полицейских похоронили на Марсовом поле под видом «героев революции». Так это или нет, но в революционном хаосе они действительно стали одними из немногих героев, до конца исполнивших свой долг.

3. Дорога в пропасть

Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала послужили большевики, я протестую.

Россию развалили другие, а большевики – лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках ее организма.

А. М. Деникин

Надо отметить, что первый, либеральный кабинет Временного правительства был самым толковым и компетентным из четырех кабинетов. Лучшие представители интеллигенции, думские депутаты, способные достаточно грамотно разбираться в политических и в экономических вопросах. В отличие от многих нынешних «демократов» – честные, глубоко порядочные люди. Никакой личной выгоды они не преследовали и не получали. Этот кабинет дал стране все демократические свободы, закрыл политические тюрьмы, отменил смертную казнь... Это были первые шаги... А дальше? Дальше-то нужно было укреплять институты государства, расшатанные или уничтоженные революционным взрывом. Но как раз на это Временное правительство оказалось неспособно. Во-первых, по личным качествам. Умные люди, способные законодатели, они не обладали ни твердостью, ни решительностью для проведения в жизнь своей политики. Да и то сказать, не могли же они, подобно царским «сатрапам», поощрять принуждение! Насилие само по себе вызывало отвращение тогдашнего передового интеллигента.

А во-вторых, их связали по рукам и ногам, не давали работать. Советы на первом этапе тоже возглавляли демократы. Но демократы партийные, социалистические. Некомпетентные в государственных делах, зато «облеченные доверием» народа, горлопанистые и рвущиеся к власти, Советы стали дезорганизующим началом. Взбаламученная народная стихия и без того не желала успокаиваться – но ее продолжали баламутить искусственно. Вместо стабилизации государства шло его раскачивание. В пику распоряжениям правительства Советы принимали другие решения. Часто – противоречивые. Часто – революционные, но бестолковые. А каждый шаг, направленный к нормализации, вызывал вопли о контрреволюционности. Сложилась ситуация, когда правительство ограничивало «свободу». А Советы – «расширяли». Правительство стало «запрещающим» органом, Советы – «разрешающим». И естественно, вся темная масса тянулась к Советам. А слабое правительство шло на соглашательство с левыми, на одну уступку за другой.

А вскоре властей стало не две, а три. К апрелю местные Советы и комитеты, расплодившиеся в России, как грибы после дождя, возмутились тем, что Петроградский Совет, приписывая себе исключительные заслуги перед революцией, присвоил государственную власть. Собрался съезд делегатов, и был создан Центральный Исполнительный Комитет, занявший позицию чуть умереннее Петросовета, но куда радикальнее правительства.

Кроме Советов, государство раскачивали партии, еще не дорвавшиеся до власти, – большевики, анархисты и беспартийная стихийно-бунтарская вольница. Не следует и скидывать со счетов дезорганизационную деятельность германской агентуры – ведь шла как-никак мировая война... И совершенно неожиданно для большинства политических деятелей на первый план вдруг вынесло фигуру Ленина.

Да-да, неожиданно. Потому что, если разобраться и отбросить плоды последующей мифологизации его образа, то окажется, что не только вождем трудящихся, но даже крупным лидером до 1917 года он не был. Не верите? Почитайте самых лояльных, самых пристрастных современников (ту же Крупскую) и удостоверьтесь. Рабочих он не знал. Еще в Петербурге Крупская с Якубовой, повязавшись платочками, ходили в фабричное общежитие и таким детским способом собирали материал для его «исторических» статей. Крестьян тоже не знал. В

Женева черпал познания из бесед с выходцами из крестьянства – попом Гапоном и потемкинцем Матюшенко (который сблизился с Гапоном, а отнюдь не с Лениным).

Ссылка в Шушенское стоила неплохого дома отдыха. Держал там домработницу, породистую охотничью собаку. На одну неделю для него забивали барана. На следующую, для разнообразия, закупали говядины или телятины. И в эмиграции жил недурно. То в Германии, то в Швейцарии, то во Франции. Повсюду таскал за собой жену и тещу. Естественно, за партийный счет. И домработницу тоже содержал.

Проявил себя на II съезде РСДРП, где устав с программой принимали, где на большевиков и меньшевиков поделились. Но деление было очень условным, как и сам съезд: 44 делегата, непонятно кем избранных. Из них 20 воздерживалось, а «большинство» недолго таковым оставалось. Меньшевик Мартов отказался от участия в редакции «Искры», и большевик Плеханов перешел на его сторону: по деловым и журналистским качествам Мартов оказался ценнее Ленина.

В 1905 г. Ильич вполне легально приехал в Питер, никто его не тронул. И жил то легально, то нелегально, в столице и на окрестных дачах до конца 1907 г. Как «неуловимый Джо» из анекдота, который был вовсе не таким уж неуловимым, а просто оказался никому не нужным. И еще 9 лет эмиграции. Какого-то заметного влияния на Россию эмиграция не оказывала. Организация борцов? «Сильная» парижская организация большевиков в 1911 г. насчитывала... аж 40 человек Сила, правда? Выпуск литературы? Разве мы сейчас не знаем, как ничтожен вес малотиражной газетенки в море прессы? А ведь нынешние малотиражки по сравнению с большевистскими – гиганты! В 1914 году тираж очередного «центрального органа» «Социал-демократ» достигал 1,5 тысячи экземпляров. Но даже из такого количества, по признанию самих большевиков, России достигала ничтожная часть. Скажем, в 1905 г. выяснилось, что вся литература, которую долго слали через Стокгольм, там и лежит, завалив целый подвал. Через матросов слали в Батуми и Одессу, где завернутые в брезент тюки выбрасывали в море в условленном месте. Большая часть ушла на агитацию черноморских рыб. В чем еще заключалась «революционная» деятельность? Иногда происходили теоретические «рефераты», для чего с важным видом съезжались социал-демократы из разных городов Европы. Происходили они в пивных, за кружкой. «Записался говорить один Ильич... С кружкой пива он подошел к столу» (Крупская). За пивком чего ж не теоретизировать? Располагает... Создавались «партийные школы» для подготовки «рабочих агитаторов». На Капри – аж 12 человек (из них 2 провокатора). В Лонжюмо – 15 человек (1 провокатор). Им Ленин на полном серьезе читал лекции. Какого-то следа в истории его слушатели не оставили. Только там и мелькнули их фамилии.

Но основной, поглощающей все силы будущего вождя деятельностью были склоки, межпартийная и внутрипартийная грызня. О каком-то верховенстве Ленина и речи не шло. Как, кстати, и о «большевистской партии», как таковой. Если социал-демократы делились на меньшевиков и большевиков, то сами большевики делились на «отзовистов», «ультиматистов», «ликвидаторов», «богдановцев», «впередовцев», «примиренцев», «ленинцев», «красинцев»... Ленин был лидером всего лишь одной из тусовок в этой каше, в которой каждая враждовала с себе подобной. Например, если Ленин в 1912 г. проводит Пражскую конференцию, то Троцкий в том же году проводит аналогичную конференцию в Вене, причем более представительную. О каком «вождизме» может идти речь, если на реферате Плеханова о мировой войне Ильича чуть «за бортом» не оставили – места ему не хватило.

Когда с 1912 г. думская фракция социал-демократов (большевиков) начала издавать в России легальную «Правду», в редакцию заочно были включены и Богданов, и Алексинский, с которыми Ленин враждовал. А статьи самого Ильича, посылаемые из Кракова, редактором Черномазовым публиковались далеко не всегда. Например, из 5 знаменитых «Писем изда-лека», в которых Ленин из эмиграции учил, как развивать Февральскую революцию, было

опубликовано 1. А остальные – только после смерти вождя. Так и паясничал за рубежом в свое удовольствие этот человек, заштатный второсортный лидеришко. Никакого отношения к Февральской революции он не имел. 22 января 1917 года «мудрый и проницательный» ляпнул на собрании молодежи в Цюрихе: «Несомненно, эта грядущая революция может быть только пролетарской... Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв в этой грядущей революции». А она – возьми да грянь через месяц...

Что делать? Подаваться в Россию? Но как туда добраться через фронты? Помог очень полезный контакт – с германскими спецслужбами. Они-то на Ленина глаз давно положили. Еще в 1914-м дали свободно из Кракова уехать, когда остальных русских интернировали. Германия вела войну по-новому, включая идеологическую обработку и разрушение тыла. И большевики-циммервальдисты, ратующие за поражение своего правительства, были ей полезны. Имел ли место прямой шпионаж? Русская контрразведка в 1917 г. располагала доказательствами шпионской деятельности Радека, Раковского, Коллонтай. Кадровыми агентами спецслужб являлись А Парвус, занимавшийся финансированием большевиков, Я. Ганецкий, швейцарский коммунист К Моор – близкий приятель Ильича. А Ленин? Даже без формальной вербовки он не мог не догадываться, какие силы, в каких целях и на какие средства его используют. Документы говорят сами за себя. Указание Германского Имперского банка № 7432 от 2.03.17 представителям всех германских банков в Швеции гласит: «Вы сим извещаетесь, что требования на денежные средства для пропаганды мира в России будут получаться через Финляндию. Требования будут исходить от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, Сиверса и Меркалина, текущие счета которых открыты в соответствии с нашим приказом № 2754 в отделениях частных германских банков в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все требования должны быть снабжены подписями «Диршау» или «Волькенберг». С любой из этих подписей требования вышеупомянутых лиц должны быть исполняемы без промедления».

Другой документ – доклад от 16.11.17 большевистских уполномоченных Е. Поливанова и Г. Залкинда, производивших сразу после Октябрьского переворота ревизию архивов.

«Совершенно секретно. Председателю Совета Народных Комиссаров. Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров тов. Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее: 1) В архиве министерства юстиции из дела об «измене» тов. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7433 от 2.03.1917 с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России. 2) Были пересмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина».

Ген. Людендорф в мемуарах писал: «Наше правительство, послав Ленина в Россию, взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения. Нужно было, чтобы Россия пала».

Комментарии, как говорится, излишни.

И 30 человек в опломбированном вагоне – без таможенных досмотров, без проверок паспортов – покатили через воюющую страну. Из Германии – в Швецию, оттуда – в Финляндию и... И вот тут Ленин стал звездой первой величины! Ведь это были первые политэмигранты, вернувшиеся в Россию! Остальные добирались окольными путями – через Францию, Англию, Америку. Помните, как у нас с первыми реэмигрантами в начале 90-х носились? И тут то же самое. Сразу герои! Советы устроили им грандиозную встречу. И себя показать, и сыграть на этой акции. Считали, что получают козырь в давлении на Временное правитель-

ство. К тому же приезд Ленина 3 апреля совпал с Пасхой. Улицы были переполнены гуляющим народом. От Петросовета пришли встречать меньшевики, Чхеидзе со Скобелевым. Почетный караул, музыка. Какой-то капитан Ленину с шашкой наголо рапортовал. Прожектора, броневики. Повели в царские покои вокзала. Тут Ильича на броневик поставили – и с выкриков в толпу он начался как лидер. Шествие сопровождало машины с эмигрантами к дому Кшесинской, где размещался Петросовет, дорогу прожекторами высвечивали. И Ильич, войдя во вкус, полил разогретую толпу лозунгами вторично. Уже с балкона.

Четвертого апреля для Совета настало похмелье. Дважды на заседаниях социал-демократов в Таврическом дворце Ленин огласил «Апрельские тезисы», названные потом Плехановым «бредом». Стало ясно, что Ильич приехал не для подмоги социалистам. Что «помогать» он вообще никому не будет. А будет дезорганизовывать работу всех других, чтобы получить себе все. Все, а не один из «портфелей». А уличная толпа, энергию и анархию которой правительство безуспешно пыталось стабилизировать, перенацелить в созидательное русло, – эта толпа наконец-то обрела «пахана», обладающего всеми подходящими чертами решительностью, хитростью, беспринципностью и приспособленчеством. В и без того булькающую брагу попал увесистый кусок свежих дрожжей. Толпа, конечно, не могла знать, что он и ее предаст, как предал коллег по партии. Предаст, когда надобность в разрушительной энергии хаоса отпадет. Но разве толпа когда-нибудь задумывается над подобными мелочами?

Народ все еще пьянел от вседозволенности. Промышленность вошла во вкус забастовок. Митинговали и бастовали по мельчайшим поводам. Уже в апреле выпуск продукции упал на 30–40 %. Требования поднять заработную плату намного превышали доходы предприятий (например, в Донбассе требования составили 240 млн. руб. в год при доходах 75 млн.). Лок-ауты, забастовки в городах и на транспорте подрывали систему снабжения, без того перегруженную войной. А это опять вело к недовольству и к новым забастовкам.

Как только ослабла центральная власть, активизировались национальные движения на окраинах. Сейм Финляндии потребовал независимости. Украинская Рада (т. е. тот же Совет) во главе с Винниченко и Петлюрой начала добиваться автономии (пока). Предъявили права на автономию Кубанское и Донское казачества. Сибирь и Закавказье потребовали для себя отдельных Учредительных Собраний. Северный Кавказ, «замиренный» всего полвека назад, забурился. Горские народы сразу вспомнили все обиды и счета между собой, начались конфликты и драки.

Под шумок вместе с политическими, а потом в результате амнистий и массовых побегов вышли на свободу более 100 тыс. уголовников. В Россию хлынули каторжане, ссыльные. Многие тут же мобилизовали в армию (например, в Томском гарнизоне было 2300 уголовников). А те «жертвы старого режима», кто побойчее, не желая надевать шинель, удобно устраивались в местных Советах или в милиции под видом бывших «политических». Полицейский аппарат был уничтожен. Стремительно начала расти преступность. Новую базу для нее создавали многочисленные дезертиры, наводнившие страну оружием. А ведь, кроме правопорядка, полиция в царской России выполняла массу других функций: санитарного, пожарного контроля, статистики, сбора налогов и др.

Земельный вопрос корежил деревню. Явочным порядком по решению местных Советов то там, то здесь начали делить и пере-пере-делить землю. В Тамбовской и Тверской губерниях это вылилось в стихийные бунты с поджогами усадеб и убийствами. Что могло с этим поделать Временное правительство? Проводить государственные, политические, экономические, аграрные реформы оно считало себя не вправе – не могло взять такую ответственность. Эти вопросы предстояло решить Учредительному Собранию, выражающему волю всего народа. Да и не те люди были в первом кабинете, чтобы ключевые проблемы решать с кондачка, абы заткнуть глотки недовольным. Насилие противоречило их убеждениям. А лгать и вешать лапшу на уши те демократы еще не умели. Не то было воспитание...

Однако самым губительным фактором стал развал армии. И произошел-то он всего за пару месяцев! Под ружьем было 12 млн. человек. Значительная часть мужского населения самых работоспособных возрастов. И эта армия уже не была кадровой, выученной и дисциплинированной, как в 1914-м. Кадровая армия, особенно пехота, была выбита в мясорубке войны. В 1915 году погибла практически вся лейб-гвардия. А войска 17-го на 90 % состояли из людей случайных, «только что от сохи», вырванных из обычной колеи и сбитых с толку. И уже были засорены возвращенными в строй дезертирами, «политиками» и уголовниками.

Сейчас этот факт подзабылся, однако Февраль первоначально вызвал на фронте волну патриотического подъема. И не только в России. В войсках Англии и Франции как бы проснулось «второе дыхание», умело подогретое патриотической пропагандой. Ведь теперь вся война приобретала новое содержание! Она превращалась в войну мировой демократии против остатков абсолютизма! С одной стороны – блок демократических держав, каковой стала и Россия, с другой отжившие свое монархии: Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария. Кстати, именно под этим соусом вошли в войну США. До того, несмотря на явные симпатии к странам Антанты и потопление немецкими подлодками нескольких нейтральных судов, Конгресс блокировал все положения об участии в войне. Новое содержание – «битва за демократию!» – убедило большинство депутатов.

Но в России демократия почти сразу приняла губительные формы. Приказом № 1 от 1.03.17 Петроградский Совет давал солдатам «демократические» права митингов и демонстраций, отменял «чинопочитание». В ротах, полках, батальонах создавались солдатские комитеты с правом обсуждения приказов. Давалось право отстранять неугодных командиров... Все! В неустойчивую, военного времени армию хлынула политика... Потом разясняли, уточняли, что приказ относится лишь к тыловым частям, а не к фронтовым. Спорили – все ли приказы подлежат обсуждению? Или только касающиеся «внутренней службы»? Было поздно, вооруженная темная масса все поняла по-своему. И армия поползла по швам. Второй удар последовал в мае. Из недр «демократической общественности» выползла «Декларация прав солдата». Против нее протестовали все военачальники. Военный министр Гучков отказался подписать ее. Но под давлением Советов Гучков ушел в отставку, и «Декларацию» подписал новый военный министр Керенский. Ушел и Верховный Главнокомандующий Михаил Васильевич Алексеев. Военачальник, бывший начальником штаба Ставки (т. е. фактически главнокомандующим) еще при царе. Главкомверхом стал генерал Брусилов.

«Декларация прав солдата»... Но не офицера! Фактически декларация не давала офицеру даже обычной дисциплинарной власти, законодательно распространяя уже на всю армию положения того же самого Приказа № 1. Естественно, в солдатские комитеты попали не служаки, не патриоты, а демагоги с хорошо подвешенными языками. Если командование не имело на них управы, то сами комитетчики всегда находили поддержку вплоть до столицы, обращаясь в Советы. В потоках митингов доступ к солдатам и право вести агитацию получили все – большевики, националисты, германские шпионы. Особенно быстро пошло разложение на участках, не познавших за всю войну крупных успехов – таких, как Северный и Западный фронты. Солдаты, одуревшие и измотанные однообразием позиционной войны, оказались благодатной средой для «бациллоносителей». Росло количество дезертиров. В некоторых частях комитеты самочинно проводили «демобилизацию старших возрастов», вводили отпуска «на время сева», «на уборку урожая». К чему воевать, если мир «без аннексий и контрибуций»? За что? Окопные части редели, изматывались без смены и поддержки и... тоже разлагались. А в тылу пухли огромные гарнизоны, «защищая революцию» и отвечая мятежами на любой намек об их отправке на фронт.

В апреле, когда меньшевик Якубович на митинге имел неосторожность назвать врагами народа сторонников борьбы до победного конца, солдаты чуть не сняли его с трибуны штыками. А уже через два месяца ситуация стала иная. На июнь-июль было намечено общее наступ-

ление, скоординированное с союзниками. Одним мощным ударом с двух сторон добиться перелома в войне и покончить с ней. Германия-то уже на ладан дышала, исчерпав все ресурсы. Но русская армия оказалась ни на что не годной. Юго-Западный фронт пошел вперед, добился успехов... и выдохся. А при первом же контрударе побежал. На Западном из 15 дивизий 10 отказались наступать. Те немногие, что подчинились приказу, естественно, захлебнулись в собственной крови. Северный фронт вообще даже не колыхнулся.

Правительство, потакающее Советам и нянчащееся с ними, постепенно скатывалось «влево». А государство – в бездну общего хаоса. Где с распростертыми объятиями его поджидали большевики...

4. Красные фальстарты

Если уж отбрасывать мифологические штампы, создававшиеся придворной историографией в последующие десятилетия, то нелишне отметить, что хорошо известная нам партия большевиков родилась вовсе не в 1903-м, а в 1917 г. Подавляющая часть дореволюционных деятелей, пивных теоретиков эмиграции, не вписалась в новые условия. Сошли с небосклона, затерлись и затерялись. Когда 7 апреля в «Правде» появились «Апрельские тезисы», там же было указано, что это – личное мнение тов. Ленина, не разделяемое редакцией и отвергнутое бюро ЦК большевиков. Но уже кончалось время старого бюро, старого ЦК и самой прежней партии. Безобидные теоретики и утописты должны были отойти в сторону или перетечь к меньшевикам. Благо, эта грань в социал-демократии оставалась еще зыбкой. А вокруг Ленина на германские деньги уже формировалась новая партия. Скажем, Троцкий со своими сторонниками, всегда считавшийся меньшевиком, теперь пришелся как раз в большевистскую струю. Присоединились крайне левые националисты типа Дзержинского, местные «рабочие» лидеры вроде Свердлова, Шаумяна, Фрунзе и просто головорезы наподобие Дыбенко и Кедрова.

До 17-го большевиков почти никто не знал. Эсеры имели опору в крестьянстве. Социал-демократы (меньшевики) – среди радикальной интеллигенции. Кто же мог составить опору большевикам? Квалифицированные рабочие, получавшие в царской России больше учителей и низших чиновников? Им большевики были не нужны. Разве что подсобники и сезонники – темные, малограмотные и засоренные деклассированным элементом (отсюда и центры большевизма – Баку, Донбасс, Иваново-Вознесенск). Но такие «кадры» были текучими, ненадежными. И в рабочем движении, и в революции 1905 г. большевики ошивались на вторых ролях. Их и наказывали мягче, чем эсеров с анархистами. Казнили разве что Бабушкина – но он с теми же эсерами вез оружие повстанцам. Приговаривали и Фрунзе опять же за уголовщину, покушение на полицейского при исполнении обязанностей.

Но война плюс революция создали большевикам тот самый подходящий контингент. Многие рабочие-патриоты ушли на фронт. Зато на заводы в поисках брони хлынули всякого рода люмпены, деклассированный сброд, крестьяне (понятно, не из крепких хозяев – куда хозяин от земли денется). В связи с военными заказами рабочих требовалось больше, и на всех оборонных заводах росли массы подобной «лимиты». Как уже отмечалось, шаткой и неустойчивой массой, вполне пригодной для большевистской агитации, стала к этому времени и армия.

В чем же заключался секрет быстрого успеха большевиков? Во-первых, весь марксизм они сумели свести к набору плакатных, ярких лозунгов. Такой социализм, до предела упрощенный – «все забрать и поделить» – как нельзя лучше устраивал самые забитые массы. Во-вторых, все беды и напасти большевики объясняли злыми намерениями правительства. Народ получал, не отходя от кассы, конкретного виновника бедствий и конкретный объект для ненависти. И, в-третьих, ленинцы не скупились на обещания немедленного решения всех проблем. Эти заведомо невыполнимые посулы действовали только в самых отсталых, необразованных слоях. Но ведь большевики на них и ориентировались! Другие политические группировки не оценили (да, наверное, это еще в головах тогда не укладывалось) столь мощного оружия, как откровенная ложь.

Керенский писал: «Мы имеем дело не столько с движением той или иной политической партии, сколько с использованием полного невежества и преступных инстинктов части населения. Мы имеем дело с особой организацией, ставящей себе целью – во что бы то ни стало вызвать в России стихийную волну разрушений и погромов».

Даже левые эсеры, по своей сути близкие к большевикам, возмущались: «Политика большевиков, играющих на народном недовольстве, демагогична и преступна».

Первой попыткой ленинцев, осуществленной с ходу, сразу по приезде в Россию, было намерение и в самом деле сыграть на таких инстинктах и подогреть народ до нового бунта, который сметет Временное правительство вслед за царем. В результате, уже 20–21 апреля в Петрограде вспыхнули крупные беспорядки. В районе Казанского собора произошла перестрелка (были убитые и раненые). Но стихийное выступление оказалось малоэффективным. К тому же, во главе Петроградского округа оказался решительный человек – ген. Корнилов, любимец армии. Одни части он сумел заставить вернуться в казармы. А безобразия прекратил бескровной демонстрацией силы – вывел на улицы надежные подразделения и выставил батарею у Зимнего.

Результаты? Советы и левые партии подняли такой вой, что Корнилов предпочел уйти с поста. На фронт. А первый кабинет Временного правительства в лучших традициях демократической республики вышел в отставку. Это ж не коммунисты были и не нынешние демократы. Честно отдавая себе отчет, что улучшить положение бессильны, честно ушли. Князь Львов сформировал второй кабинет, коалиционный, включающий представителей социалистических партий. А большевики?

Сделали выводы из своих ошибок, внесли поправки в планы и начали выпекать второй блин. Вооруженное восстание. Сначала Ленин предполагал приурочить его к 10 июня, к съезду Советов, чтобы передать им власть, а руководящее положение в Советах захватить для себя. Но позиция большинства съезда оказалась отрицательной, да и в Советы большевиков пускали еще неохотно. Попытку перенесли. Уже с помощью энергичного Троцкого, приехавшего из США и ринувшегося в дело, восстание началось 3 июля (что характерно – в самый разгар наступления на фронте и четко накануне германского контрудара). С оружием в руках выступил пулеметный полк, за ним – еще два полка, бронедивизион. Забастовала часть заводов. Поднялся Кронштадт, послав в столицу десятитысячный вооруженный отряд. Начались погромы, строительство баррикад. Ленин выступал перед вооруженными толпами с балкона дома Кшесинской. Колонны двинулись штурмовать Таврический дворец. Но опять сорвалось.

Большевики только учились работать. Четкого плана восстания у них, по-видимому, не было. Многое шло стихийно, самотеком. Синхронности достичь не удалось. Пулеметчики выступили 3-го, а штурмовой отряд из Кронштадта прибыл только 4-го. А правительство еще могло действовать решительно и располагало боеспособными частями. Юнкера Владимирского училища, несколько казачьих полков встали на его защиту, к ним присоединились отдельные роты гарнизона. На Садовой штурмующие колонны были встречены огнем и покатились прочь. Уже 5.07 восстание было подавлено. Например, атаку мятежного дивизиона броневиков отбили демонстрационной атакой учебных, невооруженных машин с... фанерной броней. Всего в ходе восстания погибло 56 человек.

После этого общественное мнение резко отвернулось от большевиков. Все социалистические партии выражали презрение заговорщикам. Партия Ленина притихла, как нашкодившая собачонка. Лидеры расплзлись кто куда. Ленин и Зиновьев сбежали в Разлив. Троцкий, Каменев, Коллонтай были арестованы (впрочем, чисто номинально и ненадолго).

Второй кабинет Временного правительства опять развел руками в честных демократических традициях: нами недовольны – хорошо, мы уйдем. И ушел в отставку. Третий кабинет сформировал уже социалист А. Ф. Керенский, паритетный кабинет, с равным представительством либеральных и социалистических демократов. Керенский сосредоточил в своих руках власть и министра-председателя, и военного министра.

Первые шаги нового правительства, на которые оно решилось из-за большевистского путча и катастрофы на фронте, можно было лишь приветствовать. 12.07 – введение смертной казни (только на фронте), 15.07 – закрыты «Правда», «Окопная правда», флотская «Волна». 18.07 – распущен финляндский Сейм, а Верховным Главнокомандующим назначен Л. Г. Корнилов.

Увы, это был лишь короткий единовременный прорыв... А большевики изучали свои ошибки, разбирали первые блины комом и спокойно готовили выпечку третьего. Новое выступление было намечено на конец августа.

5. Лавр Георгиевич Корнилов

*Смело, корниловцы, в ногу!
С нами Корнилов идет...*

Песня Корниловского полка, впоследствии переделана красными

Жизнь – легенда. Красивая, яркая сказка. Он родился 31 августа 1870 г. в сибирском городишке Четь-Каменогорске в семье простых казаков-землепашцев. Мать работу по хозяйству везла да детишек рожала. Отец выслужился до первого офицерского чина и вышел в отставку, не в силах содержать на жалованье подхорунжего многочисленное семейство. Стал работать писарем в родной станице.

Мальчишкой Лавр, как положено, и в крестьянском хозяйстве трудился, и братьев-сестер нянчил. Закончил два класса церковноприходской школы. Еще 2 года доучивался сам, урывая время ото сна после повседневной нелегкой работы.

В 1883-м поступил в Сибирский кадетский корпус. Окончил первым учеником. Затем Михайловское артиллерийское училище и – назначение в Туркестан. Новоиспеченный офицер еще ничем не выделялся. Разве тем, что в свободное от службы время продолжал учиться. Плюс изучал туземные языки. Плюс... подрабатывал частными уроками, потому что семья отца бедствовала.

В 1895-м поручик Корнилов поступает в академию Генштаба. Окончил ее опять первым. И снова – в «горячую точку». Туркестан, афганская граница. Тут он и проявил впервые свою натуру. Упомянул как-то генерал Ионов о выстроенной афганцами таинственной крепости Дейдади, где базировались враждебные племена, угрожающие русской территории; 23-летний капитан, услышав это, на следующий день испросил отпуск и исчез... В одиночку, на свой страх и риск, он перешел границу. Верхом проскакал больше 400 км по территории, запретной для европейца. А через три дня вернулся, представив генералу фотоснимки крепости, описание укреплений и планы местности.

Корнилова заметили. Направили для исследований на Кушку, потом – в Китай. Через полтора года он проявил себя как незаурядный ученый-востоковед, выпустив книгу «Кашгария, или Восточный Туркестан». В 1901 г. его командируют с научной экспедицией в Персию. Корнилов стал первым, кто пересек страшную пустыню, называемую Степью Отчаяния, которую сами персы считали непроходимой. Он публиковал научные статьи в географических журналах, о нем заговорили как о путешественнике, достойном преемнике Пржевальского, Семенова-Тян-Шанского. Казалось бы, дело жизни определилось. Ученый. Исследователь. В 1903 г. – новая экспедиция, в Индию. Но в Белуджистане путешествие прервалось известием о войне...

Под Мукденом Корнилов впервые проявил себя как полководец. 1-я стрелковая бригада, в которой он был начальником штаба, прикрывала отход русской армии. Японцы окружили ее, но благодаря Корнилову бригада пробилась в полном порядке, вынеся всех своих раненых. За это дело Корнилов был произведен в полковники и получил Георгия 4-й степени. В мирное время он – военный представитель в Китае. Новые путешествия, новые экспедиции. За 5 лет объездил Монголию, Китай, Илийский край, Синьцзян, Кашгарию...

На мировую войну Корнилов пошел командиром бригады, а 25 августа 1914 г. был назначен командиром 48-й пехотной дивизии 8-й, Брусиловской, армии. С первых же боев 48-я прославилась на всю Россию. Ее называли Стальной. А бок о бок со Стальной дралось другое знаменитое соединение, 4-я стрелковая бригада, тоже впоследствии развернутая в дивизию. Ее

называли Железная. Командовал ею АИ. Деникин. Так впервые соединились судьбы двух генералов, выходцев из крестьянской среды. Пересеклись, чтобы остаться связанными до конца.

Корнилова называли «новым Суворовым». Поклонник суворовской тактики: дерзость, стремительность, блестящие удары. Огромное человеческое обаяние, простота и доступность, отчаянная личная храбрость. Подчиненные боготворили его. И офицеры, и многие солдаты мечтали попасть к Корнилову, хотя его части всегда были на острие удара, бросались в самое пекло. Уже в самом начале войны войска Корнилова и Деникина вызвали потрясение во вражеском лагере, прорвавшись через Карпаты в Венгрию. При отходе из Карпат в 1915 г. Корнилов с горстью храбрецов-добровольцев прикрывал отступление русских частей. Был тяжело ранен и попал в плен. Австрийцы поместили его в крепости Нейгенбах. Зная натуру генерала, строго охраняли. Но Корнилов, едва оправившись от ран, начал симулировать болезнь, измывая себя голодом. И едва его поместили в тюремную больницу – бежал. Передвигаясь по ночам и ориентируясь по звездам, питаясь чем попало, порой выдавая себя за дезертира, пробрался через фронт к своим. Его наградили Георгием 3-й степени и назначили командиром 25-го корпуса.

Когда в дни революции возникла опасность, что столичный гарнизон станет неуправляемым, появилась угроза всеобщей анархии и погромов, председатель Государственной Думы Родзянко, лично знакомый с Корниловым, 2.03 направил телеграмму именно ему – корпусному командиру, минуя вышестоящее начальство. Приглашая прибыть в Петроград «для спасения столицы от анархии». И Корнилов прибыл (правда, все-таки согласовав со Ставкой). 7.03 по предписанию Временного правительства как раз он произвел арест Николая II и императрицы.

Военный министр АИ. Гучков начал реформы в армии. В частности, высшие эшелоны командования очищались от бездарностей, державшихся благодаря протекциям и родственным связям при дворе. На смену выдвигались энергичные, талантливые полководцы, проявившие себя на деле. В их числе Корнилов, Деникин, Ханжин, Крымов, Марков. Корнилов стал командующим Петроградским округом. И впервые за свою карьеру не прижился. С одной стороны – разлагающиеся войска, не желающие подчиняться. С другой – правительство, как огня боящееся крутых, «контрреволюционных» мер. Предпочитающее уступку за уступкой, соглашательство с Советами. И после попыток навести порядок, после разгона выступления большевиков в конце апреля Корнилову «намекнули». Да он и сам не держался за пост, высокий лишь по названию, за столичную стихию бестолковых митингов и нечистой политики. Ушел на фронт командующим 8-й армией.

Приняв ее в плачевном, полуразваленном состоянии, сделал что мог. 18.06 началось наступление. После двухдневной мощной артподготовки 7-я, 8-я, 11-я армии Юго-Западного фронта двинулись вперед. Сначала довольно удачно. Врага опрокинули, взяли 30 тысяч пленных. Армия Корнилова заняла Галич и Калуш. Но порыв «революционных», забывших о дисциплине войск быстро выдохся. А 6.07, подтянув резервы, австро-германцы нанесли контрудар. И 11-я армия, бросив все имущество и вооружение, побежала, увлекая соседей. Отступающие части превратились в обезумевшие толпы. Катились по своей земле, сметая все на пути. Грабежи, убийства, мародерство. 7.07, в разгар катастрофы, Корнилова назначают командующим Юго-Западным фронтом. И он начинает говорить с правительством языком жестких требований. А зачастую и собственными приказами наводит порядок, лишь ставя в известность Керенского и Брусилова. И «демократы», напуганные случившимся, безоговорочно принимали ультиматумы Корнилова, а его приказы по фронту распространяли на всю армию. Так, с 12.07 на фронте была восстановлена смертная казнь. А Корнилов, заявив, что только ценой жизни немногих негодяев можно спасти тысячи невинных, взялся круто. Убийц и мародеров он приказал расстреливать, а трупы выставлять на перекрестках дорог с надписями. Он запретил митинги, требуя их разгона силой оружия.

Еще будучи командующим армией, он сформировал особые ударные отряды. Из офицеров, отстраненных комитетами и оставшихся не у дел, из юнкеров, из солдат-добровольцев. Эти

части помогли стабилизировать фронт. Нанесли удары по обнаглевшему врагу, наступающему беспрепятственно. Боролись с бандами дезертиров-наильников. Остановили бегущие полки. Добровольцы-корниловцы – это были первые зародыши будущих добровольческих армий... А Корнилову действия по ликвидации катастрофы создали новую славу. Общественность заговорила о нем как о возможном спасителе страны... И. А Бунин писал: «Как распоясалась деревня прошлым летом, как жутко было там жить! И вдруг слух: Корнилов ввел смертную казнь – и почти весь июль было тише воды, ниже травы. А в мае, в июне по улице было страшно пройти, каждую ночь то там, то здесь красное зарево пожара на черном горизонте».

Когда наступление на Западном и Северном фронтах провалилось еще более позорно, чем на Юго-Западном, Верховный Главнокомандующий Брусилов был снят. 18.07 на эту должность назначили Корнилова. Первый главковерх времен революции, Алексеев, пытался сохранить армию лояльной, вне политики. Этого ему не удалось. Политика сама хлынула в армию, разрушая ее. Второй главковерх, Брусилов, верил в «революционные» начала армии. Шел на поводу у комитетов и кланялся солдатам на митингах. Это лишь усугубило развал до катастрофического масштаба. Третий главковерх, Корнилов, сделал вывод, что спасти армию в отрыве от всего общества бесполезно. И решил воздействовать на государственную политику активно. Спасая и армию, и Россию...

Уже вступая в должность, он ультимативно заявил правительству, что может принять пост лишь при условиях ответственности перед своей совестью и всем народом; полного невмешательства в его оперативные распоряжения и распространения мер строгой дисциплины на тыловые части. Управляющим военным министерством был назначен другой жесткий и волевой человек – Б. В. Савинков. Террорист, социалист по убеждениям, романтик борьбы и диктатор по натуре. С Корниловым он познакомился на Юго-Западном фронте в должности комиссара Временного правительства, всецело поддержал его и помогал проводить в жизнь меры по ликвидации катастрофы. Нет, простотой и искренностью Лавра Георгиевича он не обладал. Савинков был политиком – хитрым, гибким, опытным. Но он был патриотом, человеком действия, и трезво видел, что средства для спасения России требуются решительные.

А обстановка снова начала ухудшаться. Армия, отрезвленная было июльским позором, опять замитинговала. То там, то здесь прокатывались волны беспорядков. Контрразведка докладывала неопровержимые данные, что в последних числах августа ожидается новый путч большевиков, совмещенный со всеобщей забастовкой транспортников.

К тому же министр-председатель Керенский, едва отойдя от июльского шока, снова шатнулся влево, к Советам и «социализму». Беспринципные политики левых партий были ему ближе и роднее, чем деловое офицерье. И – сама Власть! Ореол кумира! Можно ли будет их сохранить без тех же Советов, без митинговщины? Либо Керенский действовал чисто интуитивно из солидарности с коллегами по партии, да еще и будучи Товарищем председателя Петроградского Совдепа. Либо понимал, что с единственным талантом – демагога – в деловом, нормальном правительстве он окажется не у дел. Он боялся и персонально Корнилова, боялся своего помощника Савинкова – чуть ли не больше, чем Ленина и Троцкого. Тем не менее, под влиянием общественности, кадетской части правительства Керенский до поры вынужден был лавировать, маскировать свои колебания.

А к Корнилову шли письма и петиции. Приезжали делегации, изливающие обиды. И казаки, и помещики, и общественные деятели, и офицеры, изгнанные из частей, и члены семей офицеров, убитых солдатней. Россия взывала к Корнилову, и он начал действовать. Нет, не против правительства. А в поддержку правительства, в согласии с ним. Он подготовил для Временного правительства докладную записку, в которой изложил реальный план спасения России:

- 1) распространение на тыловые районы военно-революционных судов;
- 2) ответственность перед законом Советов и комитетов за свои действия;

3) восстановление дисциплинарной власти начальников и реорганизация армии.

Уже 3.08, приехав для доклада в Петроград, Корнилов был шокирован. Его конфиденциально предупредили, что на заседании правительства нельзя... докладывать военные вопросы! Все тут же станет известно противнику «в товарищеском порядке». И намекнули на министра земледелия эсера Чернова. В самом правительстве уже были шпионы, и мало того – правительство знало об этом! А записку Корнилова Керенский принял, но на рассмотрение кабинета не вынес. Зато на следующий день цитаты из этой записки появились в социалистической печати. Началась бешеная травля «контрреволюционного» генерала. Советы потребовали его отставки и даже ареста.

Тем не менее, конкретная и близкая угроза большевистского переворота требовала действий. При посредничестве Савинкова и Филоненко (комиссара при Ставке) был выработан и согласован с правительством план создания надежной Петроградской армии. Для этого предполагалось подтянуть к столице 3-й конный корпус, 7-ю Туземную (Дикую) дивизию, тоже развернув ее в корпус, Корниловский ударный полк и другие части. И при очередном выступлении большевиков разгромить их. Если же путч поддержат Советы – разогнать их за компанию. Однако и этот план, несмотря на все устные соглашения, Керенский тоже долго мурыжил и претворять в жизнь отнюдь не спешил. 10.08 Корнилов был снова вызван в Петроград. Верные текинцы личного конвоя отказались пустить его в столицу одного. Вызвав переполох, эскадрон туркмен прибыл в Петроград и во время визита Корнилова в Зимний дворец выставил у крыльца два пулемета. Снова ходили вокруг да около, снова генерала запутывали в политических дебрях, и снова визит кончился безрезультатно.

Наконец, 11.08 Савинков и кадетское крыло правительства пригрозили отставкой. Керенский вынужден был вынести записку Корнилова на очередное заседание. Ее заслушали, но решение было отложено до Московского Государственного совещания. От этого совещания с представителями различных слоев населения, общественности, партий и промышленных кругов ждали многого. Туда тоже приезжал Корнилов. Москва встретила его восторженно, забрасывали цветами. Представители от Думы и кадетской партии обещали поддержку его начинаниям. А Керенский... попытался лишить слова. Но к каким-то реальным результатам совещание не привело. Вылилось в пустую говорильню. Каждый высказывал свое, и никто не хотел воспринимать противного...

После провала этой попытки прийти хоть к какому-нибудь соглашению обозначился единственный реальный выход – диктатура. Кстати, к собственной единоличной диктатуре Корнилов отнюдь не стремился. Политика была противна ему, как и большинству офицеров. И личная диктатура допускалась как крайность, если ничего другого не получится. Все еще предполагая, что разум во Временном правительстве победит, Корнилов высказывался за коллективную диктатуру правительства. Согласно его предположительному списку, в новый кабинет следовало пригласить Керенского, Савинкова, Плеханова, Аргунова, Филоненко, ген. Алексева, адм. Колчака, кн. Львова и др. Не будучи ни монархистом, ни кадетом, ни социалистом, а лишь русским патриотом, он считал, что новый кабинет правительства должен «осуществлять строго демократическую программу, укрепляя народные свободы, и поставить во главу угла решение земельного вопроса». И твердой рукой довести страну до общенародного волеизъявления Учредительного Собрания. Династию Романовых он считал дискредитировавшей себя. Если же Учредительное Собрание сочтет нужным восстановить ее, он отвечал: «Подчинюсь и... уйду».

20 августа в результате небольшой, частной операции германских войск пала Рига. Разложившаяся 12-я армия бежала без боя. Бежала, далеко оторвавшись от противника, не думающего ее преследовать. Когда выяснилось, что немцы дальше не идут, армия вынуждена была возвращаться! И лишь тогда правительство наконец-то приняло постановление о военном положении в Петрограде. Но его введение в действие откладывалось до 29.08 – до подхода к

столице конного корпуса. Из опасения стихийного взрыва в бардаке партий, Советов, анархического гарнизона и разболтавшихся рабочих окраин. Причем и правительство было согласно, что «если на почве предстоящих событий, кроме большевиков, выступят и члены Совета, то придется действовать и против них».

К этому времени были подготовлены и законопроекты по докладной записке Корнилова – о мобилизации в нуждах фронта промышленности и транспорта, введении смертной казни, укреплении армии. Но Керенский пока не подписывал их. Считалось – из тех же соображений. Чтобы возможная реакция на них не встретила правительство безоружным.

Войсковые эшелоны начали движение к столице. Вроде бы все шло к благополучной развязке. Если и не бескровной, то малой кровью. Ведь серьезно вступить в бой «за Советы» никакие тыловые бездельники не собирались. Корнилов мог бы стать новым Пожарским. Но дело в том, что другой «спаситель» – политик Керенский – примерял себе другую историческую роль – Бонапарта. И Пожарский в его сценарий никак не вписывался...

6. Генерал Крымов

Кавалергарда век недолог...

Б. Окуджава

Командующим новой, Петроградской армией стал Александр Михайлович Крымов, весьма яркая личность и, наверное, один из последних представителей лихой гусарской романтики Дениса Давыдова и декабристов. Блестящий кавалерист, талантливый командир и отчаянный рубака. «Третья шашка» России. (Первой считали графа Келлера, второй – ген. Каледина). Крымов, кстати, был одним из тех, кто ради спасения России готовил заговор против Николая II. В число заговорщиков входили депутаты Думы, офицерство, даже члены императорской фамилии. Предполагалось последнее обращение к царю одного из великих князей. Если не поможет – вооруженной силой остановить императорский поезд по пути из Ставки и заставить отречься, вплоть до физического устранения при несогласии. И поставить на трон наследника Алексея при регентстве Михаила Александровича. Переворот планировался на начало марта. Судьба решила иначе...

14.03.17 Гучков вызвал Крымова, командовавшего Уссурийской казачьей дивизией, в столицу, предлагая ему ряд высоких должностей. Но, осмотревшись, генерал отказался. Сказал, что у правительства, которым вертят Совдепы и разнузданная солдатня, ничего не выйдет. И предложил, в свою очередь, за два дня очистить Петроград от всякого сброда одной своей дивизией. Временное правительство в ужасе отклонило такую помощь, и Крымов вернулся на фронт. После того как «шашка номер один», монархист Келлер, отказался присягать революции, Крымов принял у него 3-й конный корпус, считавшийся одним из лучших кавалерийских соединений.

Скептически настроенный, при усиливающемся развале он сначала рассчитывал только на собственные силы. Предполагая в скором будущем падение фронта и захват власти большевиками, он планировал опереться на преданный ему корпус. Крымов, готовя будущую базу, связался с Киевом – полками гвардейской кавалерии, училищами. И собирался в случае катастрофы форсированным маршем двинуться к Киеву, занять его и бросить оттуда клич на всю Россию, собирая офицерство и уцелевшие патриотические силы. Но когда главковерхом стал Корнилов, Крымов связал все надежды с ним и отдал ему себя без остатка. 12.08 по согласованию с Временным правительством его корпус был двинут к Петрограду, а Крымов был вызван в Ставку и назначен командовать всей формируемой армией. Командиром его корпуса стал генерал П. Н. Краснов.

24.08 в Ставку приехал Савинков, и казалось, уточнил все детали, согласованные с Керенским. 26.08 Крымов выехал к войскам, имея задачу в случае выступления большевиков немедленно двинуться на Петроград, разоружить гарнизон и население. Если большевиков поддержат Советы – разогнать и Советы, после чего вывести на материк и разоружить гарнизон Кронштадта. Уезжал он с тяжелым сердцем и дурными предчувствиями. Он не верил, что все пройдет гладко, и не ошибся. В последнюю минуту министр-председатель предал. Порвать с «социализмом» он так и не решился и внезапно шатнулся влево, к товарищам по партии.

Предшествовала этому провокация. Бывший член правительства В. Львов, человек честный, но легкомысленный, большой путаник, воспылил желанием уладить трения между Керенским и Корниловым. Побеседовал с министром-председателем и от его имени помчался в Ставку. Корнилов принял его, побеседовал о государственных реформах, о необходимости диктатуры (причем обсуждалась коллективная диктатура в форме Совета народной обороны).

Говорилось об участии Керенского в новом правительстве. В связи с опасностью событий в Петрограде, Корнилов пригласил членов правительства в Ставку, ручаясь за их неприкосновенность (между прочим, как потом выяснилось, он даже комнату Керенскому приготовил рядом с собственной спальней).

26.08 Львов вернулся к Керенскому. А тот уже ждал его с детективным сценарием! Посадив за занавеску свидетеля, потребовал у Львова изложить все письменно... и арестовал как посланца изменника-генерала. Затем, опять при свидетелях, он от имени Львова связался по телеграфу с Корниловым. И попросил подтвердить сказанное при встрече (не называя, что именно). Корнилов подтвердил. И тогда Керенский завопил на всю столицу о раскрытии им, спасителем революции, «заговора генералов». Состоялось бурное заседание правительства, закончившееся ничем. Керенский хлопал дверью и кричал, что, раз министры его не поддерживают, он уходит к Советам. А 27.08, уже наплевав на правительство, он самочинно присвоил себе «диктаторские полномочия» и единолично отстранил Корнилова, приказав вступить в должность ген. Лукомскому. Тот отказался. Предложил ген. Клембовскому – и он отказался. А Корнилов, заявив, что «правительство снова попало под влияние безответственных организаций», не подчинился приказу. Впрочем, юридически министр-председатель даже не имел права единолично снимать Верховного Главнокомандующего.

28.08 Керенский потребовал отмены движения войск к Петрограду. Корнилов отказался, выступил с резким воззванием к народу, а приказ Крымову дополнил требованием при необходимости оказать давление на правительство. Петроград был в панике. Керенский объявил Верховным Главнокомандующим самого себя и собирался то обороняться, то бежать. Советы тоже серьезно думали о бегстве. Савинков, назначенный генерал-губернатором, пытался сформировать оборону из ни на что не годного гарнизона, не желающего сражаться. Корнилов и его сподвижники были объявлены мятежниками и изменниками... А большевики, своевременно отменив путч, под шумок получали у правительства оружие, вооружая Красную гвардию (которая в окопы так и не выступила).

И... ничего не произошло. Демарш Керенского оказался слишком неожиданным. Эшелоны с войсками растянулись на огромном пространстве от Пскова до Нарвы и Петрограда. Железнодорожники и станционные комитеты, узнав о «мятеже», загоняли их в тупики, отцепляли паровозы, разбирали пути. Движение прекратилось. Сотни и полки были оторваны друг от друга, лишены управления. К тому же казаки и горцы были сбиты с толку. Ведь они-то ехали защищать Временное правительство, а сейчас то же правительство клеймит их изменниками! И тотчас остановившиеся эшелоны были атакованы агитаторами и делегациями всех мастей...

Только бригада князя Гагарина, Черкесский и Ингушский полки на подступах к столице вступила в перестрелку с «советскими» войсками. Причем петроградские запасные батальоны грудью стоять не собирались. При движении горцев разбегались без боя. Но идти дальше всего двумя слабыми полками Гагарин не решился: только столичный гарнизон превышал 200 тыс. чел.

Войска, застрявшие в эшелонах, пошли бы за любимыми командирами – но и их не оказалось. Крымов ждал их в Луге. Краснов отбыл в корпус лишь 28.08 и в Пскове был арестован. А Корнилов находился в Могилеве, располагая Корниловским и Текинским полками в 3 тысячи человек. Он еще имел шанс на успех – возглавить поход самому и увлечь войска. Но это значило бы бросить Ставку на разгром Советам, уже формирующим карательные отряды. Погубить все управление фронтами. Сделать этого Корнилов не мог.

Генерал М. В. Алексеев скрепя сердце «принял на себя позор», согласившись на должность начальника штаба у Керенского. Только чтобы спасти Корнилова и его сподвижников от самосуда. И от «военно-революционного» суда, на котором настаивал Керенский, чтобы побыстрее похоронить концы в воду. 1.09 Алексеев принял дела у Корнилова (а до этого Временное правительство предложило «изменнику» продолжать оперативное управление вой-

сками! И войскам предписало выполнять его приказания!). Корнилов, Романовский, Лукомский и ряд офицеров были взяты под следствие и заключены в г. Быхове в здании монастыря. Алексеев тут же вышел в отставку.

28.08 был арестован и главнокомандующий Юго-Западным фронтом А. И. Деникин – за то, что выразил солидарность с Корниловым резкой телеграммой правительству. С ним арестовали генералов Маркова, Эрдели и других. Арестованные несколько дней подвергались глумлениям, чудом остались живы. Солдатня сутками висела на решетках их камер, поливая бранью. Вокруг тюрьмы бушевали распоясавшиеся толпы. Несколько раз возникала опасность самосуда. Генералы, арестованные в Ставке, избежали таких издевательств – охрану Корнилова никому не уступил верный Текинский полк.

А Крымов остался в Луге без войск 31.08 Керенский обманом вызвал его в Петроград. Якобы чтобы потушить конфликт, закончить его миром и согласием... Какой разговор состоялся между ними – не знает никто. По свидетельствам очевидцев, из-за дверей кабинета доносился гневный голос Крымова, обличавший министра-председателя. Выйдя от Керенского, он выстрелил себе в сердце.

Но не суждено было генералу погибнуть смертью самоубийцы. Его добили в Николаевском госпитале. Добили «революционеры» – фельдшера, санитары и прислуга, поливая бранью и срывая повязки. Впрочем, ходили упорные слухи и о том, что выстрел в Крымова произвел кто-то из порученцев министра-председателя – в ответ на пощечину Александру Федоровичу. Керенский разрешил вдове похоронить его только ночью в присутствии не более девяти человек, включая духовенство. «Крест деревянный иль чугунный...»

А 2.09, после смерти Крымова и ареста Корнилова, новый Верховный Главнокомандующий, военный министр, министр-председатель Керенский, спаситель революции, отдал приказ 3-му конному корпусу возобновить движение в район Петрограда.

7. Накануне переворота

*Я смело утверждаю, что никто не принес столько вреда России,
как А. Ф. Керенский.
Н. В. Родзянко, 1922 г.*

В дни Корниловского «мятежа» Керенский, опираясь на Советы, распустил третий кабинет Временного правительства, отказывавший ему в «диктаторских полномочиях» и предлагавший мирное разрешение конфликта с главковерхом. В сентябре он сформировал новый кабинет, уже социалистический. Но, став властью, эсеры и меньшевики сели на сук, который сами же подрубили. До сих пор «углублявшие революцию», все «разрешавшие» постановлениями Советов, теперь они оказались вынуждены запрещать, сдерживать и ограничивать. И мгновенно потеряли опору в массах, которые сами же развратили и приучили кричать «долой!». Мало того, с «полевением» правительства мгновенно «полевели» Советы. Если их умеренные лидеры теперь выступали в поддержку властей, то вся негативная, разрушающая, то есть основная, энергия Советов досталась ультралевым группировкам. В июне представительство большевиков в центральных советских органах составляло 13 %. А в сентябре они захватили в Петроградском совете большинство.

В самих партиях эсеров и меньшевиков начался раскол. Играя на тех же негативных программах «углубления революции», тотального критиканства, на арену выходили новые лидеры. От социал-демократов отделились меньшевики-интернационалисты Мартова, а от эсеров – мощное левое крыло во главе с М. Спиридоновой. Те и другие по своим лозунгам и программным установкам примыкали к большевикам. Последние месяцы существования российской демократии утонули в потоках говорильни. Вслед за бестолковым Московским Государственным совещанием в сентябре было созвано Демократическое совещание. По замыслу инициаторов из ЦИК, оно должно было создать «единый демократический фронт» и образовать «революционный парламент». Не тут-то было! Снова высказывали каждый свое, выливали друг на друга взаимные обвинения и претензии. Формулу о необходимости коалиции приняли «за основу» 766 голосами против 688. «В целом» резолюцию о необходимости коалиции отвергли 813 голосами против 183.

Из состава совещания был избран «предпарламент» как совещательный орган всех российских партий до созыва Учредительного Собрания. Позднее переименованный во Временный совет Российской республики, он захлебывался речами, истекал словесным поносом, ломал копыя из-за мелочных формулировок и утопал во взаимной грызне вплоть до самого большевистского переворота.

Если первый кабинет Временного правительства старался не предпринимать главных вопросов государственного устройства, являющихся прерогативой Учредительного Собрания, то четвертый кабинет наплевал на это. Он уже шел на уступки во всем, полностью потакал Советам, но даже с этим никто не считался. 4.09 были выпущены на свободу июльские «гэкачеписты»-большевики, и Троцкий стал председателем Петроградского совдепа вместо «умеренного» Чхеидзе.

Керенским была «приостановлена», а 16.10 вообще отменена смертная казнь на фронте. Одновременно были приняты законы о земле и мире. Первым из них Временное правительство до Учредительного Собрания отдавало всю землю крестьянам (а они ее давным-давно сами захватили и поделили). Вторым законом правительство начинало «энергичную мирную политику». Декларацией от 25.10 предусматривалось послать на союзническую конференцию в Париже М. Скобелева, везшего от ЦИК наказ с условиями мира. Мир без аннексий и контрибуций. Отмена тайной дипломатии. Гласность в вопросах о целях войны. Постепенное разору-

жение на суше и на море. Самоопределение Польши, Литвы, Латвии. Восстановление прежних границ с плебисцитом в спорных областях. И т. д. (Как нетрудно увидеть, ленинский «Декрет о мире» стал лишь выкопировкой с этой программы).

Но, несмотря ни на какие уступки, ни на какое соглашательство, с правительством не считались. Оно уже не имело никакой опоры. Ни справа, после подавления Керенским выступления Корнилова, гонений на офицерство и предательства либеральных партий, которые были для него слишком «контрреволюционными». Ни слева. Оттуда рвались к власти новые лидеры. Троцкий 25.10 откровенно заявил от имени Петросовета: «Правительству буржуазного всевластия и контрреволюционного насилия мы, рабочие и гарнизон Петрограда, не окажем никакой поддержки. Весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ – долой!»

А в стране творился хаос. Погромы, беспорядки, самосуды, преступность. Появилась угроза настоящего голода. Например, в транспортах с хлебом, идущих в Петроград, из 200 тыс. пудов были разграблены по пути 100 тыс. Прифронтовая полоса вообще стала адом. Разложившиеся воинские части громили крестьянские хозяйства, отбирали скот и зерно, разбивали спиртзаводы, пьянствовали и бесчинствовали.

Окраины продолжали самоопределяться. Вслед за Северным Кавказом анархия и междоусобицы охватили Туркестан.

Финляндия знать не желала Россию. Украинская Центральная Рада заявила о суверенитете, начала организацию вооруженных формирований, и Временное правительство потакало ей, объявило о создании национальных частей. В первую очередь – украинских, на базе 34-го корпуса ген. Скоропадского. И корпус стал получать прямые указания из Киева от Генерального военного секретаря Петлюры!

В разгар общего развала начали входить во вкус забастовок железнодорожники. Советы явочным порядком повели кампанию «социализации» предприятий. Инженеры и мастера подвергались таким же гонениям, как офицеры на фронте, уходили. Продукция и инструменты разворовывались. В результате к октябрю закрылись до тысячи заводов и фабрик Сотни тысяч безработных... Они стали готовым пополнением для большевистской Красной гвардии.

С дней корниловского выступления, кроме прежних Советов и комитетов, расплодилось всевозможные «ревкомы», «комитеты охраны революции», которые сейчас мы объединили бы под названием «незаконных вооруженных формирований». 4.09 правительство попробовало распустить их, объявив, что «самочинных действий в дальнейшем допускаемо быть не должно». Но в этот же день Исполком Советов издал резолюцию, чтобы эти органы «работали с прежней энергией».

Армия фактически уже не существовала. Очередной крупной чисткой после «корниловщины» были уволены с постов военачальники и офицеры «контрреволюционные», т. е. пытавшиеся поддерживать хоть какой-то порядок. Других офицеров сами солдаты отстраняли или убивали как «корниловцев». Оставались в строю лишь те, кто шел на поводу у комитетов. И сами комитеты переизбирались. Сначала в них еще хватало «оборонцев»: наступать не пойдём, но страну защитим, а к октябрю в комитеты избирались вожаки самой махровой анархии. Дезертировали уже толпами. «Лучшие» – по домам, к земле. Худшие превращались в шайки грабителей. Подобным шайкам ничего не стоило получить легальный статус, окопавшись в подчинении любого местного Совета.

После Алексеева, Брусилова, Корнилова Ставку возглавил ген. Духонин. Старый честный служака, он уже ничего самостоятельно не предпринимал. Довольствовался ролью «технического советника», получая распоряжения из Петрограда и передавая их в войска. Ставка начала работать вхолостую.

29.09 Германия главными силами флота и десантной дивизией нанесла удар по Моонзундским островам. Как и взятие Риги, это тоже была частная операция. Германия всяче-

ски удерживала своих самых горячих генералов от наступления на Петроград! Запрещала его брать! Ведь это могло всколыхнуть Россию, вызвать волну патриотического подъема, а немцам сепаратный мир был куда нужнее громких побед. Своими частными ударами они лишь подталкивали Россию к такому миру... В Моонзундских боях сопротивление оказали очень немногие. За неделю архипелаг был захвачен, взяты 20 тыс. пленных, более 100 орудий. Команды первоклассных линкоров и крейсеров в Гельсингфорсе так и не вышли в море. Промитинговали, рассыпая героические радиogramмы, когда в нескольких часах хода погибали в подавляющем меньшинстве их «братишки» – экипажи нескольких миноносцев и двух устаревших, слабых броненосцев, менее зараженные большевизмом. Немцы высадились в Эстонии. Военный министр Верховский и морской министр Вердеревский что-то лепетали армии и флоту о «новой демократической дисциплине». Большевики за это осмеяли их и подвергли яростным нападкам в печати.

Правительство будто зависло в вакууме и держалось только по инерции. И еще потому, что большевики пока что не спешили. В новых условиях они готовились капитально, чтобы взять верх наверняка. Новый их план был, в сущности, простым. «Будить» и агитировать всю Россию с тогдашними их силенками ста лет не хватило бы. Да и поддержала бы она? Но зачем – всю? Они учли специфические свойства российской психологии: кто на трон залез, тот и власть. А с власти в России спросу нет. Разве не так было во все века при дворцовых переворотах? Значит, требовалось лишь захватить самую верхушку, а уже потом с помощью рычагов власти строить «сверху» социализм по ленинским проектам. Опыт прошлых неудач они хорошо учли, и подготовиться старались почетче. Но, с другой стороны, осень 17-го была их последним шансом. Им уже действительно «приспичило».

Во-первых, в декабре намечался созыв Учредительного Собрания. Изначально выборы в этот орган предполагались по окончании войны, но поскольку ей конца-краю так и не было видно, а развал государства все углублялся, было решено ускорить созыв. Выиграть в честной демократической борьбе у большевиков не было ни малейших шансов. Оставалось взять власть до Учредительного Собрания.

Во-вторых, разложение армии, начатое демократами и продолженное большевиками, шло так стремительно, что напугало их самих. Она грозила превратиться в неуправляемую силу, не способную воспринять даже большевистские лозунги, и вместо поддержки переворота стать аполитичным вооруженным стадом, опасным для самих большевиков.

В-третьих, правительство взывало к союзникам о неспособности России вести войну, конференция по этому вопросу должна была начаться в Париже в августе, потом была перенесена на 28 октября (из-за падения Временного правительства так и не состоялась). Итак – еще немного, и надежды на мир могли начать связываться уже не с большевиками.

В-четвертых, на 30.1 был назначен Съезд советов крестьянских депутатов. ЦК левых эсеров, видя обострение обстановки, потребовал ускорить его созыв. Дату съезда перенесли на 5 ноября. В частности, там планировалось обсудить эсеровскую аграрную программу, разработанную на основе опросов в деревнях, «Крестьянского наказа о земле» и их анализа. И так – еще немного, и разрешение аграрного вопроса тоже связалось бы не с большевиками.

Идеологическая обработка населения шла по нескольким направлениям. С конца августа большевики взяли на вооружение жупел – «корниловщина», которым не уставали размахивать, пугая народ. И лепили ярлык «корниловцев» всем, кто пробовал противодействовать их акциям. Второй демагогический лозунг, на котором они спекулировали в эти месяцы – Учредительное Собрание, которое якобы нужно защитить от врагов. А кто враги? Конечно, правительство. Ленин писал: «Советы должны быть револьвером, приставленным к виску правительства с требованием созыва Учредительного Собрания. При власти в руках Советов Учредительное Собрание обеспечено, и успех его обеспечен».

(Вспоминая последующие события, так и хочется сказать: «Ну-ну...»). По уставу Советов рабочих и солдатских депутатов в сентябре должен был состояться очередной, Второй съезд. ЦИК, в основном эсеро-меньшевистский, решил не созывать его, мотивируя тем, что скоро состоится Учредительное Собрание, поэтому съезд не нужен. Но большевики самочинно от имени Петроградского совдепа начали рассылать телеграммы местным совдепам, назначив открытие на 20.10. Сначала ЦИК пытался противодействовать, но, видя, что сорвать «незаконный» съезд не получится, тоже начал слать телеграммы о выборах делегатов.

Ряд обстоятельств сыграл большевикам на руку. После поражения в Моонзундском сражении и высадки немцев в Эстонии Временное правительство начало составлять план эвакуации столицы. Большевики на это ответили грандиозной пропагандистской кампанией: «Правительство покидает столицу, чтобы ослабить революцию!», «Ригу продали, теперь продают Петроград!», «Хотят задуть революцию штыками германского империализма!». Цель? С одной стороны вызвать новую волну ненависти. С другой – а вдруг правительство и впрямь уедет от Совета, вцепившегося ему в глотку? Убежит из-под носа из разложившегося Петрограда, где все готово к перевороту, в Москву? Что ж там – все сначала начинать?

Из-за той же военной катастрофы правительство попробовало отправить на фронт, прибившийся к столице, части Петроградского гарнизона. Уже 8 месяцев в условиях войны 200 тыс. солдат да 25 тыс. матросов безбедно околачивались в городе! Митинговали, гуляли, подрабатывали продажей семечек и кремней для зажигалок, спекулировали самогоном, мануфактурой и оружием. В ответ на «контрреволюционный» приказ 17.10 Петроградский гарнизон заявил, что «выходит из подчинения Временному правительству». И никто, в отличие от истории с Корниловым, не назвал это изменой или мятежом!

10 октября на закрытом заседании ЦК большевики приняли решение о вооруженном восстании. Обвинение в предательстве Каменева и Зиновьева, голосовавших против, а потом опубликовавших свое мнение, – чистейшая туфта, сведение личных счетов. Потому что особого секрета из своих планов большевики не делали. 16-го под председательством Троцкого был организован военно-революционный комитет (ВРК) в составе Лазимира, Антонова-Овсеенко, Подвойского, Садовского, Сухарькова. А с 17-го рабочие по ордерам ВРК начали получать оружие с казенных складов. Сам Троцкий то открыто заявлял в Совете: «Нам говорят, что мы готовимся захватить власть. В этом вопросе мы не делаем тайны. Власть должна быть взята не путем заговора, а путем дружной демонстрации сил».

То отказывался от своих слов: «Петроградский Совет не назначал никаких выступлений. Утверждение буржуазных газет – контрреволюционная попытка дискредитировать и сорвать съезд Советов»

Уже с 19.10 газета «Рабочий путь» начала печатать «Письмо к товарищам» Ленина, где он прямо призывал к восстанию. ВРК вел переговоры с полковыми комитетами и поочередно уговаривал их выступить на своей стороне.

Любое правительство, будь оно мало-мальски дееспособным, имело бы массу времени для организации отпора и самозащиты. Любое, кроме слабенького, захлебнувшегося словесами последнего кабинета Временного правительства. Керенский все еще во что-то верил, в разговоре со Ставкой он передавал Духонину: «Мой приезд задержан отнюдь не опасением каких-либо волнений, так как все организовано. Сейчас в Петербургском гарнизоне идет усиленная попытка военно-революционного комитета совершенно оторвать полки от командования. Сегодня они разослали явочных комиссаров... думаю, что мы с этим легко справимся...»

Уже 24 октября, когда большевики начали воплощать свои планы в жизнь, Керенский на заседании Совета республики заявил, что всегда стремился, «чтобы новый режим был совершенно свободен от упрека в неоправданных крайней необходимостью репрессиях и жестокостях», что «до сих пор большевикам предоставлялся срок для того, чтобы они могли отказаться от своей ошибки». Но поскольку, мол, уже необходимы решительные меры, Керенский...

испрашивал поддержку и одобрение «парламента» на их принятие! И пошли дебаты!.. Поддержку? Ни шута! За день до своего разгона этот парламент, Совет Российской республики, 122 голосами против 102 при 26 воздержавшихся выразил осуждение деятельности правительства, потребовал решения ряда частных вопросов, а «ликвидацию конфликта с большевиками» возложил на «комитет общественного спасения», который должны были создать городская Дума и представители левых партий.

Демократия в игрушки играла. А большевики действовали. Когда стало ясно, что кворум съезда Советов к 20.10 не соберется, открытие перенесли на 25-е. 21 октября на совещании ЦК был уточнен срок переворота. Из каких соображений? Почему «сегодня – рано, послезавтра – поздно»? Ленин обосновал это так «24 октября будет слишком рано действовать – для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на съезд приедут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени съезд организуется. Мы должны действовать 25 октября – в день открытия съезда, так, чтобы сказать ему – вот власть...»

Итак, заговорщикам нужен был представительный, авторитетный орган, чтобы «узаконить» переворот. Но орган, не принимающий собственных решений, а лишь фиксирующий уже предложенное вождями. Послушно поднимающий руки «за». Первый опыт, ставший доброй традицией коммунизма...

8. Октябрь

На II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов прибывали делегаты. Многих мандатная комиссия ЦИК отводила как избранных незаконно – от никому не известных организаций и вообще черт знает откуда. Но представитель большевиков Карахан просил этих делегатов никуда не уезжать, загадочно поясняя: «Ничего, когда начнется съезд, вы все займете свои места».

24.10 столичные жители были огорошены воззванием «К населению Петрограда!»: «Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное Собрание! Петроградский Совет берет на себя охрану революционного порядка. При первой попытке темных элементов вызвать на улицах смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли».

Вслед за этим началось вооружение рабочих. Агитаторы пошли по частям гарнизона. Нападение совершилось под лозунгом защиты от нападения! Газета «Рабочий и солдат» вышла с истерическими обращениями: «Солдаты! Рабочие! Граждане! Враги народа ночью перешли в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия, против Учредительного Собрания, против народа...»

Город оказался дезориентированным. На улицах появились вооруженные солдаты. Никто не знал, кто они – за Советы? Или это обещанные «корниловцы»? Или «темные элементы»? Даже меньшевики с эсерами на провокацию большевиков отозвались так «Мы осуждаем ваши действия, но если правительство нападет на вас, не станем бороться против пролетарского дела».

Вечером 24.10 красногвардейцы заняли все «буржуазные» типографии. Гранки газет рассыпались, началось печатание прокламаций. Слабая милиция очистить типографии не смогла, наткнувшись на вооруженное сопротивление. При этом начальник милиции Нейер был убит. А ночью начали занимать телеграф, телефонную станцию, банк, вокзалы. Арестовали нескольких министров. Организованные силы большевиков были невелики, но действовали по строгой системе и не встречали сопротивления. На каждый объект приходила группа от 10 до 50 человек. Иногда даже открыто сменяла прежние караулы: у большевиков оказались все гарнизонные пароли, действующие в эту ночь и своевременно выкраденные. А уже позже такие организованные группы стали обрастать анархической вольницей из солдат и матросов.

У правительства не только для нападения, даже для самозащиты сил не оказалось. Никого. Только в четыре утра 25-го Керенский начал рассылать из Генштаба приказы по казачьим частям и юнкерским училищам. Но и те колебались. Стоит подчеркнуть факт, «забытый» советской историей. Юнкера 17-го вовсе не были «дворянско-буржуйскими» отпрысками. Война, ненасытно пожирающая офицеров, а за ней революция смели последние ограничения по набору. Юнкерские училища и школы прапорщиков состояли в основном из вчерашних солдат, студентов, выпускников гимназий и реальных училищ. Последняя категория к октябрю только начала учебу. Далеко не все умели заряжать винтовки... И – «демократия»! Школы и училища собирали юнкерские комитеты, общие собрания, начинали голосовать: выступать – не выступать...

Только в ночь на 25-е Керенский уведомил Ставку о событиях в столице, приказал выслать войска – две казачьи дивизии, пехотную бригаду, два полка самокатчиков. Ставка отдала приказ Северному фронту. Не тут-то было. Фронтвой комитет был насквозь большевистский. До недавнего времени фронтом командовал большевик Бонч-Бруевич. А новый главнокомандующий В. А. Черемисов под давлением комитетчиков тут же изменил правительству. Задержал до выяснения обстановки, а после успеха большевиков – вовсе отменил приказ о

посылке войск Когда Ставка, уверенная, что все идет как надо, приказы отданы и войска в пути, случайно узнала правду и потребовала от Черемисова объяснить его действия, он ответил телеграммой, что Ставка не в курсе дел, что Временного правительства больше нет, что в Петрограде уже другое правительство, Керенский уже не главковерх и что скоро Верховным Главнокомандующим будет назначен он, Черемисов. То есть купили генерала достаточно просто.

Утром 25-го Керенский приказал развести мосты. До 7 часов этого не делали. Потом нашелся офицер с пятью солдатами, прогнал большевиков от Николаевского моста, развел его. Но когда они ушли, мост снова навели «красные» матросы. Когда к Генштабу подтянулись несколько юнкерских подразделений, были сделаны попытки вернуть телефонную станцию и телеграф. Но после нескольких выстрелов юнкера, не имеющие ни гранат, ни пулеметов, а многие и боевых патронов, вынуждены были отойти.

Около девяти утра Керенский бездумно рванул на автомобиле на фронт. Воодушевлять войска и спасать революцию. С этого момента его безуспешно искали и Ставка, для получения указаний, и остатки правительства, ожидая подмоги. Большевики разогнали заседающий в Мариинском дворце Совет республики, «предпарламент», все еще обсуждающий, выразить ли поддержку правительству, во власти которого оставались лишь Зимний с Генштабом и штабом округа. В генерал-губернаторы и «диктаторы» остатки правительства определили сугубо мирного человека, доктора Н. А. Кишкина.

Большинство частей гарнизона митинговали, соблюдая до поры до времени «нейтралитет». Некоторые «нейтралы» за плату пускали в казармы под свою защиту офицеров гарнизона, опасавшихся избиения и убийств. Вся связь находилась у большевиков. Поэтому некоторые части, пытающиеся дозвониться в Генштаб, получали фальшивые указания: что выступление большевиков уже подавлено и помощь не требуется. Ближе к вечеру стали давать другой ответ – Временное правительство отказалось от власти, и защищать больше некого.

Ленинский план был претворен в жизнь. К открытию съезда правительство (которого все-таки опасались) было блокировано, а город оказался в руках большевиков. И во все концы страны уже с утра полетели телеграммы: «К гражданам России! Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета – Военно-революционного комитета».

При открытии съезда на объявление, что такие телеграммы рассылаются по городам и фронтам, многие делегаты возмутились, заявляя, что большевики предрешают волю съезда. Троцкий цинично ответил: «Воля съезда предрешена огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат».

Итак, первым вопросом в истории Советской власти, заранее решенным и вынесенным лишь для формального принятия коллегиальным органом, был вопрос о самой Советской власти.

Около 17 часов началась осада Зимнего дворца, в 22 часа открыла огонь «Аврора». Мартов, делегат от меньшевиков-интернационалистов, воскликнул: «Гражданская война началась, товарищи!»

Большинство делегаций осуждали большевиков. Говорилось: «Предательство, когда перед самым открытием съезда Советов вопрос о власти решается путем военного заговора».

«Захват власти за три недели до открытия Учредительного Собрания – есть нож в спину революции».

Все предложения мирного выхода и неотложных мер по недопущению гражданской войны были категорически отвергнуты большевиками. После этого почти все делегации, даже левые эсеры, в знак протеста покинули съезд. И он вообще перестал быть съездом, превратившись в частное заседание большевистской фракции. Кроме того, в зал набилась из коридоров Смольного посторонняя публика, околачивающаяся при Петросовете и ВРК – солдатня, красногвардейцы, служащие большевистского аппарата, вообще непонятный сброд. Вот этот

«съезд» и избрал новое правительство, Совет народных комиссаров, состоящий из одних большевиков. (На следующий день часть второстепенных портфелей предложили левым эсерам, но те отказались). Так большевики победили. И обеспечили себе «народную» поддержку.

Если уж на то пошло, их избрание стало трижды «незаконным». Вспомним, что съезд, хоть и Всероссийский, был съездом только рабочих и солдатских депутатов. А рабочие и солдаты в крестьянской России составляли менее 15 процентов населения. Во-вторых, сами совдепы жили вразброд, каждый считал себя центром вселенной. Многие на телеграммы Петровета и ЦИК о созыве съезда просто забили болт, многие не поехали или не доехали. Из 900 зарегистрированных в то время крупных совдепов на II съезде было представлено около 300. Никаким «кворумом» и не пахло. А в-третьих, после ухода большинства делегаций за Совнарком, за знаменитые ленинские «декреты» голосовала пришедшая, случайная публика.

События вокруг Зимнего разворачивались своим чередом. Разумеется, картина его штурма не имела ничего общего с героическими экранизациями в кино. За день сюда собрали несколько рот юнкеров из Ораниенбаума, Петергофа, Инженерной школы, 2 орудия Михайловского училища, пару сотен уральских казаков, роту женского ударного батальона, человек сорок безруких и безногих инвалидов-«георгиевцев», да несколько десятков гарнизонных офицеров. Вот и все. Никакого плана обороны не было. То и дело защитников перетасовывали из одних помещений в другие. Приказания были противоречивые, а порой глупые. Например, не поддаваться на провокации и ни в коем случае не открывать огня. Даже при штурме – только если нападающие будут стрелять первыми. Ни пулеметов, ни другой техники. Даже расположения помещений дворца, входов и выходов никто не знал.

Днем патрули юнкеров и большевистское оцепление стояли на расстоянии, не трогая друг друга. У главного входа дворца из запаса дров сложили баррикаду. В открытую, презирая опасность, прошел через красное оцепление генерал М. В. Алексеев. В Зимнем он выбрал руководство, призывающее офицеров на свою защиту и не имеющее, чем их вооружить. Выбрал бестолковщину и бардак последнего оплота правительства и ушел, убедившись в крайней несерьезности «обороны».

К вечеру обстановка стала ухудшаться. Стягивались матросы, красногвардейцы. Поскольку в городе перевес большевиков определился, воинские части, заявлявшие о нейтралитете, теперь рьяно выступили за большевиков. К тому же Зимний дворец с огромными винными погребами и «царскими» богатствами представлял очень уж заманчивую цель. Плюс – наступила темнота, придающая храбрость...

Орудия Михайловского училища, получив непонятно чей приказ, были увезены. Едва они выехали с Дворцовой площади, сопровождавших их юнкеров избили, а пушки, естественно, отобрали. С броневиком подошел Литовский полк, начал бить и разоружать юнкерские патрули. Пришлось снять их и отойти во дворец. Обсудив отсутствие артиллерии, переговорив с осаждающими, ушли казаки. Остающимся казаки объяснили: мы, мол, думали, что здесь серьезно, а оказалось – дети, бабы да жида.

Подошел Павловский полк. Вынудил к сдаче юнкеров 2-й Ораниенбаумской школы и занял Генштаб. Прокатился слух, что там убивают генерала Алексеева. Загоревшись спасать его, женская рота и инвалиды пошли на вылазку. На площади по ним открыли огонь. Они понесли потери и вернулись. Около 19 часов из окон Генштаба начали обстрел Зимнего. Электростанция находилась в руках матросов, поэтому дворец был ярко освещен, в то время как нападающих скрывала темнота. В 22 часа заговорила «Аврора». И палила она не один раз. Стрельбу вела «пробойными» зарядами, предназначенными для срочной чистки стволов от снега и инея. Но иногда лупила шрапнелью. Во дворец было три попадания. Из-за близкого расстояния шрапнель не разлеталась, шрапнельные стаканы попадали во дворец неразорвавшимися.

Командиры осаждающих периодически делали попытки штурма. Таких «фальстартов» был не один. «По выстрелу «Авроры», «по трем винтовочным выстрелам». Открывали сильную пальбу из пулеметов и броневики, но защитники отвечали огнем, и осаждающие отступали за укрытия. То и дело бухала «Аврора», действуя на психику обороняющихся. Среди ночи саданула из трехдюймовок Петропавловка, днем державшая «нейтралитет». После 23 часов красногвардейцы и матросы начали просачиваться через окна со стороны Невы. Баррикаду, осыпаемую пулями со всех сторон, пришлось оставить. Дворец уже кишел агитаторами. Группа пьяных матросов бесцельно бегала по помещениям и взрывала гранаты. Юнкера в такой обстановке совсем пали духом. Со стороны Невского от них явились делегаты. «Пусть придут и выгонят нас». Ушли юнкера Петергофской школы, шаталась Ораниенбаумская.

Просачивавшихся в окна красногвардейцев разоружали, но когда их скопилось достаточно, они набросились и разоружили самих юнкеров. А когда обнаружилось, что за баррикадой уже никого нет, сплошной поток штурмующих во главе с Антоновым-Овсеенко и Чудновским беспрепятственно хлынул со стороны Дворцовой площади. Внутри дворца никакого сопротивления не было – при подавляющем неравенстве сил оно было немыслимо. Временное правительство арестовали и отправили в Петропавловку. Юнкеров, взятых во дворец, жестоко избивали. Часть ударниц были изнасилованы. Солдатня восхищалась: «Ну и бабы! Одна полроты выдержала!» (Потом покончила с собой.) Кое-кого убивали по темноте да под горячую руку.

Несколько штурмующих утонули в вине во время вакханалии в дворцовых погребах. Многие упились до смерти. От разграбления Зимний дворец спасла вовсе не революционная дисциплина. Просто главные ценности распоясавшимся хамам были не нужны. Им бы чего попроще. Тащили вино из погребов, еду из буфетов. Рвали обивку мебели. Шелковую – на портянки, кожаную – на сапоги. Все лестницы дворца были заблеваны пьяными.

Петроград пал. В Москве прошло не так гладко. Четко организовать переворот даже всего в двух городах большевикам было еще не под силу. Более бестолковым был совдеп. Более энергичным командующий округом полковник Рябцев. Правда, гарнизон и тут объявил «нейтралитет», главной силой правительства стали опять училища, опять юнкера. В Москве у большевиков не было матросов. Вместо них ударной гвардией стали двинцы. Это были фронтовые преступники – дезертиры, грабители мародеры, содержавшиеся в Двинской тюрьме. При угрозе германского наступления их вывезли в Москву. А накануне переворота под предлогом голодовки совдеп перевел их из тюрьмы в лазарет. Вооруженным нападением двинцев на юнкерские патрули, которое те отбили, началось московское кровопролитие.

Быстро и решительно взять верх большевики не могли. И контингент московского «пролетариата» был более умеренный. И свободного доступа к оружию они не получили. Оружие хранилось в кремлевском арсенале под охраной вполне большевистской пулеметной роты прапорщика Берзиня. Но подступы к Кремлю Рябцев занял юнкерами и оружия из древних стен не выпускал. Пулеметной роте был предложен ультиматум о сдаче. Сначала солдаты хорохорились, но после предупредительных выстрелов из миномета замитинговали и постановили сдаться. При сдаче кто-то из ожесточившихся юнкеров дал по солдатам две очереди из пулемета. Этот факт моментально стал известен и широко использовался большевиками для агитации в частях гарнизона и на рабочих окраинах.

Чиновный Петроград был надломлен еще с февраля постоянными потрясениями. Москва была городом более прочным – торговым, промышленным, обстоятельным. В Москве и родился термин «Белая гвардия». В противовес Красной, ее составили добровольцы из интеллигенции, студенты, гимназисты, офицеры, находившиеся в отпусках и на лечении, отставники. В руках белогвардейцев и юнкеров остались центральные кварталы. Большевики окружали их со стороны рабочих окраин. Постепенно они набирали силу, собирали оружие среди железнодорожных грузов, на подмосковных складах. В ремонтных мастерских нашлись огром-

ные 152-миллиметровые французские осадные орудия. Их установили на Воробьевых горах, на нынешней смотровой площадке. Весь город – как на ладони. Крупнокалиберные снаряды полетели на выбор – по любому зданию, по Кремлю.

К осаждающим целыми эшелонами стали подходить подкрепления. Матросы из Петрограда. Красногвардейцы из Иваново-Вознесенска. Осажденным помощи ждать было неоткуда. Ни войск, ни казаков, ни Временного правительства, ни одного благоприятного известия из других городов. Когда однозначно удостоверились в победе большевиков в столице, когда в Москве тоже обозначился их перевес, одна за другой стали выступать на их стороне «нейтральные» части гарнизона. С полевой артиллерией и пулеметами.

У белой стороны артиллерии не было. Силы таяли, и кольцо постепенно сжималось. Некоторое время, судорожно цепляясь за слухи о подмоге, о казаках, еще дрались – за каждый дом, за каждый квартал. Наконец, после недели боев, осажденные в Кремле и расстреливаемые артиллерией, вступили в переговоры и сдались.

В провинциальных городках и селениях переворот прошел практически незаметно. Власть уездных и губернских комиссаров правительства была настолько слаба, что ее и раньше никто всерьез не принимал. Во многих местах еще несколько месяцев сохранялось двоевластие. Параллельно работали и совдепы, и городские Думы. Последние Думы разогнали только весной. Боевые действия развернулись лишь в тех городах, где были юнкерские училища. В Казани, Киеве, Смоленске, Омске, Иркутске. Сражались против большевиков и гибли мальчишки. Те, кто еще сохранил в чистоте свои души и идеалы. Причем, даже неизвестно, за что погибали. За неумное Временное правительство? За неумелых и нечестных политиков? За Россию? Но как раз Россия, взбесившаяся и одуревшая от всеобщей анархии, везде давила этих мальчишек тупой, темной массой. И убивала, убивала, убивала...

9. Поход на Питер – Краснов и Керенский

Не встречая вызванных войск, Керенский домчался до Пскова. И угодил в осиное гнездо. Штаб Северного фронта уже передан большевикам и кишел распоясавшейся солдатней. Но в Пскове министр-председатель случайно встретил генерала Краснова. Петр Николаевич Краснов, земляк Шолохова – родом из Вешенской, был служака прямой, убежденный монархист, вымуштрованный лейб-гвардией. Человеком был весьма интеллигентным и образованным, до революции успешно подвизался на поприще литературы, а в русско-японскую работал фронтовым корреспондентом. Но внешне любил показать эдакую свою «солдафонистость», казачий консерватизм. Словом, образ настоящего донского казака, по-казачьи грубоватого и по-казачьи хитроватого. Звезд с неба не хватал, но командиром был неплохим, всегда заботился о подчиненных, поэтому казаки его любили и ценили.

Его корпус стоял в г. Острове. Да какой там корпус! Вместо отдельной Петроградской армии, замышлявшейся Корниловым, 3-й конный, красу и силу генерала Крымова, передали во фронтовое подчинение. И растащили как надежные части по сотням и полкам от Витебска до Ревеля. Для охраны штабов, затыкания дыр и ликвидации беспорядков. 25.10 Краснов получил приказ Ставки двигаться на Петроград, а затем приказ главнокомандующего фронтом – не двигаться. Поехал в Псков выяснять. Ни черта не выяснил, зато случайно встретил Керенского, и тот приказал – двигаться.

Наобещал, что в подчинение Краснова придаются еще три пехотные дивизии, одна кавалерийская, которые вот-вот подойдут. Мимоходом бросил порученцу указание, чтобы Краснову вернули его растасканные полки да сотни. Он еще играл в свои игрушки и верил, что его приказы кто-то станет выполнять. Керенский с Красновым поехали в Остров. Погрузили имеющихся казаков в эшелоны. Железнодорожники волюнили, не зная, чья возьмет. Тогда есаул Коршунов, работавший когда-то помощником машиниста, сел с казаками на паровоз – и поехали. Торжественно, с помпой, Керенский назначил Краснова командующим армией, идущей на Петроград. Было в армии 700 казаков при 16 пушках против 200 тысяч солдат, матросов и красногвардейцев.

Шли спасать страну. А к Керенскому, вообразившему, что он ведет их в бой, как раз 3-й конный корпус относился отвратительно. Ведь он их недавно изменниками величал, любимого командира Крымова погубил. Поэтому, например, сотник Карташов на протянутую министерскую руку своей не подал. Презрительно пояснил: «Виноват, господин Верховный Главнокомандующий, я не могу подать вам руки. Я – корниловец».

27.10 высадились под Гатчиной. Город взяли без боя. Несколько большевистских рот разоружили и распустили на все стороны. Причем прибывшую из Петрограда команду в 400 чел. восемь казаков нахрапом заставили сдать. Керенский тут же засел в гатчинском дворце, оброс адъютантами, порученцами и барышнями-поклонницами. Краснов произвел разведку, для чего просто позвонил по телефону жене в Царское Село. Узнал от нее обстановку в царскосельском гарнизоне и Петрограде.

Керенский до сих пор свято верил, что, узрев его, массы загорятся энтузиазмом и побегут за ним. Не тут-то было. Гатчинский гарнизон объявил нейтралитет. Поддержали только офицеры летной школы, отправили на Петроград два аэроплана разбрасывать воззвания. Из летчиков составили команду броневика, отбитого у красных. Подтянули пару казачьих сотен из Новгорода. Сообщили из Луги, что 1-й осадный «полк» в 88 человек поддержал правительство и грузится в эшелон. И все. Ни о каких корпусах, дивизиях даже слышно не было.

В ночь на 28-е 480 казаков пошли на Царское Село (с гарнизоном 16000). Разоружили заслоны по дороге и наткнулись на первую линию обороны, открывшую огонь. Ударили из пушки – большевики держатся, пулеметами ошметинились. Лишь когда 30 казаков атаковали

в обход – побежали. В Царском Селе выкатился толпой весь гарнизон, замитинговал. К ним поехали 9 казаков дивизионного комитета. Полдня митинговали вместе. Приехал Керенский, попытался речи произносить. Кое-кого уговорили разоружиться. Но большинство, почуяв слабость казаков, решили их перебить. Стали к атаке готовиться. Заметив это, казаки попросили Керенского отъехать назад и выкатили две пушки. Едва солдатня, паля из винтовок, пошла «на ура» – дали два выстрела шрапнелью. И вся многотысячная масса в панике разбежалась, давя друг дружку и угоняя поезд на Петроград. Царское Село заняли. Простояли в нем следующий день, надеясь хоть на какую-нибудь подмогу. Пришли только несколько подразделений из их же корпуса, бронепоезд из Павловска да из Петрограда несколько бежавших юнкеров, учебная сотня оренбургских казаков – даже без винтовок, с одними шашками. Осадный полк, двигавшийся из Луги, перехватили матросы и обстреляли. Полк разбежался.

И офицеры-корниловцы, и казаки кляли Керенского, обманувшего их нереальными проектами. Приехавший Савинков предложил Краснову арестовать Керенского и возглавить движение самому. Краснов отказался, считая это некрасивым. И бесполезным. Утром 30.10 попробовали двигаться дальше. Дорогу уже преграждали сплошные линии окопов. И занимали их уже не разложившиеся солдаты-тыловики. Не менее 6 тыс. матросов и красногвардейцев, 3 броневика с артиллерийским вооружением. От развернувшихся 630 казаков они не побежали. Наоборот, сами то и дело лезли в атаки. Выручало преимущество казаков в артиллерии. Она подбила один броневик и осаживала большевиков, заставляя держаться на расстоянии.

Краснов решил продержаться до вечера. В последней надежде, что гром его пушек отрезвит Петроград, что некоторые части гарнизона одумаются и придут на помощь. Вместо этого новая колонна из Петрограда, около 10 тысяч, попыталась обойти казаков. Но основу составляли опять солдаты, Измайловский полк, – после первой же шрапнели с бронепоезда они пустились наутек. В свою очередь, сотня оренбуржцев с гиканьем и посвистом поскакала на красные позиции. Красногвардейцы толпами побежали. Но матросы не отступили, встретили огнем. Командир сотни был убит, несколько казаков ранены, лошади попали в болото, и атака захлебнулась. Прикатил на автомобилях Керенский с порученцами и барышнями-поклонницами. Его спровадили без церемоний, посоветовали убраться в Гатчину.

К вечеру бой затих. У казаков кончились снаряды. А большевики подтянули морскую артиллерию, начали бить по Царскому Селу. При первых разрывах запаниковали и замитинговали полки царскосельского гарнизона. Потребовали прекратить бой, угрожая ударом с тыла. В сумерках матросы начали обходить фланги. И Краснов приказал отступать. Советская сторона за день боя потеряла убитыми более 400 человек. Казаки – 3 убитых и 28 раненых.

Вскоре в Гатчину явились представители матросов и железнодорожников заключить перемирие и начать переговоры. Другого выхода не осталось. Окружение Керенского лихорадочно пыталось использовать эту передышку. Хваталось за соломинки. Савинков помчался в польский корпус, Войтинский – в Ставку, искать ударные батальоны, верховный комиссар Станкевич – в Петроград, искать соглашения между большевиками и другими партиями социалистов. А казаки выработывали с матросами свои соглашения. Первым пунктом мира потребовали прекратить в Петрограде преследования офицеров и юнкеров, дать полную амнистию. На полном серьезе казаки обсуждали вариант «Мы вам – Керенского, а вы нам – Ленина. И замиримся».

И на полном серьезе пришли к Краснову доложить, что скоро им для такого обмена привезут Ленина, которого они тут же около дворца повесят. Впрочем, и матросы тогда Ленина не шибко боготворили. Откровенно называли «шутлом гороховым» и заявляли: «Ленин нам не указ. Окажется Ленин плох – и его вздернем».

Керенский, видя такой оборот дела – многие казаки склоняются к тому, чтобы выдать его; святое дело, «потому что он сам большевик», – в панике обратился к Краснову. Генерал, пожав плечами, сказал: «Как ни велика ваша вина перед Россией, я считаю себя не вправе

судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь». И Керенский бежал. Нелепая фигура исчезла с исторической арены уже навсегда.

Переговоры, перемирие – все кончилось само собой. В Гатчину вошла 20-тысячная большевистская армия из солдат, матросов, красногвардейцев и буквально растворила в себе горстку казаков. Начался общий бардак. Пришедший Финляндский полк привычно потребовал Краснова к себе на расправу. Но стоило генералу наорать и обматерить два десятка вооруженных делегатов, они пулей вылетели вон из его кабинета. А потом приехали командира, который извинялся и просил разрешения разместить полк на ночлег, потому что с дороги, мол, устали. Хамы, привычные бесчинствовать над бессловесными и покорными, они сами становились овечками, получая отпор. И матросский командующий Дыбенко, отгоняя оголтелых подчиненных от офицеров, поучал «корниловцев» «Товарищи, с ними надо уметь. В морду их, в морду!»

Вслед за Дыбенко явился и другой командующий – Муравьев. Ворвавшись в штаб Краснова, объявил всех арестованными. На него с руганью наскочил, требуя извинений, подъесаул Ажогин, председатель дивизионного комитета донцов. Муравьев опешил. Поругались, помирились. Кончилось тем, что Муравьев сел с казаками обедать и напился, вспоминая общих фронтовых знакомых. Прикатил сам Троцкий. И тоже прибежал к Краснову. Потребовал, чтобы тот приказал отстать от него какому-то казаку, прилипшему как банный лист. А казак возражал, что «этот еврейчик» забрал у него арестованного, которого он охранял.

2.11 Краснова с начальником штаба, гарантируя безопасность, вызвали для переговоров в Смольный. И все-таки попытались арестовать. Но уже к вечеру в Петроград примчался весь комитет 1-й Донской дивизии, притащив с собой Дыбенко. Насели на большевиков, вцепились в их главнокомандующего прапорщика Крыленко и... Краснова освободили. А казаков договорились с оружием отпустить на Дон. Их боялись. С ними заигрывали. Ведь ходили слухи, что Каледин поднял Дон и собрался идти на Москву. Напоследок начальника штаба дивизии полковника С. П. Попова вызвали к Троцкому. Лев Давидович интересовался: как отнесся бы Краснов, если бы новое правительство предложило ему высокий пост? Попов откровенно ответил «Пойдите предлагать сами, генерал вам в морду даст».

Вопрос был исчерпан.

10. «Десять дней, которые потрясли мир...»

Наверное, многие задавались вопросом почему десять, если власть захватили за сутки? Но дело в том, что первый период чисто большевистского правления и длился-то всего десять дней. Российская общественность отнеслась к перевороту не очень серьезно. Говорили о «пирровой победе», поскольку большевики, захватив власть, оказались в полной политической изоляции. От них отвернулись даже социалистические партии. Считалось само собой разумеющимся, что править страной в таких условиях невозможно... Вот глупенькие! Еще не знали всех возможностей однопартийной власти. Не знали, что такая «изоляция» – как раз то, что большевикам нужно. И что можно запросто начхать на всевозможную общественность, протесты и резолюции.

Другое дело, что сами большевики еще были не в состоянии долго держаться в однопартийном режиме. Первые акты новой власти были чисто пропагандистскими трюками. Два куска, брошенные в толпу, чтобы привлечь ее на свою сторону. Главные декреты были к тому же плагиатом. «Декрет о мире» представлял упрощенную выкопировку из «Наказа Скобелеву», проекта предложений эсеров-меньшевистского ЦИК для Парижской мирной конференции. Опять же, между голословным «декретом» и реальным миром лежала пропасть. Союзники, усилившиеся за счет США, возможность мира «вничью» категорически отвергали, а на Восточном фронте стояли 127 австро-германских дивизий. С деловой точки зрения «Декрет о мире» был безответственной, чисто декларативной бумажкой.

«Декрет о земле» вызвал шок у эсеров, т. к. большевики от своего имени изложили эсеровскую аграрную программу. Ленин на протест ответил: «Они обвиняют нас в том, что мы взяли их аграрную программу. Что ж, можем их поблагодарить. С нас и этого довольно».

Но и этот декрет не решал никаких проблем. Во-первых, землю деревня давным-давно захватила и поделила, в октябре уже догорали последние помещичьи усадьбы. Во-вторых, правил раздела земли декрет не оговаривал, оставляя простор для будущих конфликтов. В-третьих, земля переходила в собственность государства, а крестьяне хотели ее получить в частную собственность. Кстати, более поздние «рабочие» декреты тоже были плагиатом. Рабочую программу большевики позаимствовали у анархо-синдикалистов.

А вот за пропагандистскими трюками пошли акты чисто большевистского законотворчества. 28.10 – «Декрет о печати». Свобода слова перестала существовать. Газеты, оппозиционные новому правительству, закрывались. Ленин пояснил, что «они отравляют народное сознание».

Вслед за этим начали арестовывать газетчиков и граждан, покупающих газеты, рискнувших нарушить запрет. Троцкий заявил: «Во время гражданской войны право на насилие принадлежит только угнетенным».

Далее последовали «Декрет о создании народных трибуналов», «Декрет о государственной монополии на объявления». Еще 25.10 распустили «предпарламент». Прочие партии, социалистические и либеральные, пытались организовать центр сопротивления – «Комитет общественного спасения», консолидировавшись вокруг городской Думы. На их решения большевики не обращали внимания, а Троцкий спокойно констатировал:

«Что ж, на это есть конституционные средства. Думу можно распустить и переизбрать».

Но даже это хлипкое противобольшевистское единство раскололось, едва на Петроград пошел Краснов. «Революционная демократия» боялась казаков, генералов и «контрреволюционеров» куда больше, чем большевиков, хотя большевистская прокламация «К позорному столбу!» неожиданно заклеила самих эсеров с меньшевиками, изменниками и корнилов-

цами, призывая стереть их с лица земли. Левые эсеры, интернационалисты, метнулись к большевикам защищать «революцию» от «корниловцев». Лидер меньшевиков Дан рассуждал:

«Если большевистское восстание будет потоплено в крови, то кто бы ни победил, Временное правительство или большевики, это будет торжеством третьей силы, которая сметет и большевиков, и Временное правительство, и всю демократию».

Возглавляемый меньшевиками Викжель, комитет путейцев, под предлогом нейтралитета отказался перевозить по железным дорогам войска как большевиков, так и их противников. Если разобраться, нейтралитет был односторонним: войска большевиков в Петрограде и не нуждались в перевозках. А правый эсер Чернов, выехав в Лугу, пробовал организовать «нейтральные» части, чтобы с их помощью разнять враждующие стороны.

Между прочим, протестуя против введения смертной казни Корниловым, сами большевики и не думали стесняться в данном вопросе. Уже в эти дни Троцкий провозглашал систему «За каждого убитого революционера мы убьем пять контрреволюционеров!»

Практического применения это пока не получило, но вступление в Царское Село, оставленное казаками, ознаменовалось казнями. Расстреляли священника за то, что благословлял казаков, еще несколько человек. В Петрограде расстреливали офицеров и юнкеров, восставших при подходе Краснова и захвативших телефонную станцию. У «буржуев» устраивали повальные обыски. Кстати, в Гатчине выпотрошили с обыском и квартиру Плеханова, лежавшего с высокой температурой. Для новых властей лидер и основоположник российской социал-демократии уже был «буржуем» и «контрой».

Хотя «победа над Керенским-Красновым» упрочила позиции большевиков, консолидировала с ними «левых», новое правительство висело не волоске. Не речи политиков, не партийная изоляция была тому причиной. Дал первую осечку план Ленина – захватив верхушку власти, готовыми рычагами государства сверху строить свой собственный социализм. Как раз «рычаги» отказались повиноваться захватчикам. На грань катастрофы поставил их «саботаж», о котором теперь упоминается мельком, вскользь. Великое гражданское мужество проявила городская интеллигенция, служащие государственных и общественных учреждений, инженеры, техники, клерки, телефонисты, железнодорожники, телеграфисты. Прямо или косвенно они отказывались служить новому режиму. Стойко держались против угроз насилия, невыплаты денег, увольнений и выселения из квартир. Разболтанный государственный режим забуксовал. Почта, телеграф, банк, железные дороги не признавали большевиков. Совнарком оказался отрезанным от страны, передавая директивы только через царскосельскую и корабельные радиостанции да рассылая малонадежных курьеров. Наверное, такая власть пала бы. Если бы не ленинская «гибкость тактики».

5 ноября в Петрограде открылся съезд Советов крестьянских депутатов. В аграрной России – куда более представительный орган, чем съезд депутатов рабочих и солдатских. Несмотря на власть большевиков и их сильное давление, у них оказалось менее 20 % сторонников. Около 50 % было от левых эсеров, 25 % – от правых эсеров. Чернов, приехавший «с фронта», был встречен овацией. Ленина освистали с криками «долой!». Декреты о мире и земле на делегатов впечатления не произвели. Реальный мир оставался за горами за долами, а эсеровскую аграрную программу сами вырабатывали, намереваясь принять как раз на данном съезде. Ленин вилял – мол, не все ли равно, кто именно даст народу землю, главное – результат. Съезд раскололся, потонул в словоблудии, взаимных обвинениях, речах и голосованиях. И разогнать-то его большевики еще не могли, и обстановка складывалась не в их пользу.

Но... пока говорились речи, в Смольном начались секретные переговоры между большевиками и левыми эсерами. Захватчики отступали, соглашались на коалиционную «социалистическую» власть. Первоначально эсеры требовали представительства в новом «парламенте», ЦИК всех левых партий, городских Дум, профсоюзов, земств, исключения из правительства Ленина и Троцкого, роспуска ВРК и других репрессивных организаций. Долго торговались.

Наконец к соглашению сумели прийти «земляки». От большевиков – Бронштейн (Троцкий), Розенфельд (Каменев), Апфельбаум (Зиновьев), от эсеров – Натансон, Шрейдер, Кац (Камков). В новый ЦИК, кроме 108 депутатов от съезда рабочих и солдатских Советов, договорились ввести еще 108 от съезда крестьянских Советов, 100 от армии и флота, 50 от профсоюзов. Думы и земства отведены, Ленин, Троцкий и ВРК оставлены. Создавалось коалиционное, большевистско-левоэсеровское правительство. 16 ноября, день заключения соглашения, праздновался всем Петроградом как конец гражданской войны, один из величайших дней революции. К коалиции примкнули меньшевики-интернационалисты Мартова, «Новая жизнь» Горького, польские социалисты, анархисты. Провозглашалась победа революции, здравницы объединению сил демократии и социализма.

И действительно было что праздновать. Союзникам большевиков кружила голову иллюзия демократической власти, до которой теперь дорвались и они, а самим большевикам – то, что они у власти удержались. И никакой внешней угрозы этой власти вроде бы больше не просматривалось. Фронтовая Ставка так и не превратилась в центр сопротивления. Служака Духонин после падения правительства и исчезновения Керенского принял на себя командование, призвал фронт сохранять спокойствие и стал ждать, когда образуется новое правительство и даст ему указания. 7.11 Совнарком приказал ему «обратиться к военным властям неприятельской армии» о заключении перемирия и начале переговоров. Удивленный Духонин ответил, что «в интересах России – скорейшее заключение мира», но это не относится к компетенции главнокомандующего. Это может сделать только «центральная правительственная власть, подержанная армией и страной».

Усмотрев в ответе контрреволюцию и саботаж, Совнарком сместил Духонина «за неповиновение и поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся».

Однако ему предписали «продолжать ведение дел, пока не прибудет в Ставку новый главнокомандующий» – прапорщик Крыленко, будущий палач ленинских, а потом сталинских политических процессов. По дороге, на фронте 5-й армии, Крыленко вступил с немцами в переговоры о перемирии. Одновременно большевики по радио через головы командования обратились «в массы», предоставив полковым комитетам право заключать мир на своих участках.

А в Могилеве творилось черт знает что. Сюда съехались лидеры прошлого ЦИК – Чернов, Скобелев, Авксентьев, верховный комиссар Временного правительства Станкевич. Начали с Общеармейским солдатским комитетом переговоры о создании новой власти, «однородного социалистического министерства, от народных социалистов до большевиков включительно», с Черновым во главе. Спорили, тонули в партийных догмах и словопрениях, уже никому не интересных и не нужных, кроме них самих.

В Быховской тюрьме, будто запертый в клетке лев, метался Корнилов. Здесь остались пятеро заключенных – Корнилов, Деникин, Романовский, Лукомский и Марков. Остальных следственная комиссия прокурора Шидловского освободила за отсутствием состава преступления. Но и для оставшихся обвинение в «покушении на ниспровержение правительства» потеряло теперь всякий смысл, поскольку правительство уже свергли другие. Теперь они нужны были большевикам только для расправы. Бежать? Это считали неприемлемым с точки зрения чести, нравственной ответственности. Атаман Каледин писал в Ставку, чтобы быховцев отправили на Дон, на поруки казаков. Духонин колебался... Дисциплинированным солдатом был.

Корнилов в письме предлагал ему план обороны Ставки, организации на ее базе центра борьбы: немедленно стянуть к Могилеву Корниловский полк, ударные батальоны, чехословацкий и польский корпуса, одну-две самые надежные казачьи дивизии, создать запасы лучшего оружия – пулеметов, автоматических винтовок, броневикулов, гранат для офицеров-добровольцев, которые обязательно будут собираться к Ставке. Но Духонин не был готов к «междоусобице» и кровопролитию. АИ. Деникин писал: «Духонин был и остался честным человеком. Но

в пучине всех противоречий, брошенных в жизнь революцией, он безнадежно запутался. Любя свой народ, любя армию, отчаявшись в других способах спасти их, он продолжал идти скрепя сердце по пути с революционной демократией, тонувшей в потоках слов и боявшейся дела». Единственное, что он пытался сделать, – это удержать на месте армию, уже сплошь большевистскую. Единственное, на что решился, – обратиться к стране: «К вам, представители всей русской демократии, к вам, представители городов, земств и крестьянства, обращаются взоры и мольбы армии: сплотитесь все вместе во имя спасения Родины, воспряньте духом и дайте исстрадавшейся земле Русской власть – власть всенародную, свободную в своих началах для всех граждан России и чуждую насилию, крови и штыку».

Никто даже не услышал этих благих пожеланий.

А несколько эшелонов с матросами Крыленко двигались к Ставке. Двигались трусливо, осторожно. Подолгу стояли на узловых станциях, разведывая обстановку впереди. Боялись «корниловцев», ударников, казаков. Митинговали с «нейтральными» солдатами, беспрепятственно их пропускающими. Вели переговоры с казаками, пока не получили от них заверения, что «коалиционному» правительству казаки подчинятся, а в междоусобицу вмешиваться не будут. Постепенно распаляясь собственными беспочвенными страхами, Крыленко уже клеймил Духонина изменником и объявлял главнокомандующего, «продолжающего ведение дел» до его прибытия, вне закона.

Ставка, по сути, оставалась бездействующей. Она уже никем не руководила. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Володченко признал власть украинской Центральной Рады. Румынский фронт, где наличие румынских войск сдерживало анархию, ориентировался на указания представителей Антанты. Северный и Западный фронты, признав советскую власть, начали стихийное, ротами и батальонами, «заклучение мира». К середине ноября совещание лидеров «революции» в Могилеве распалось, не придя ни к какому соглашению. Демократы разъехались кто куда. Общеармейский солдатский комитет объявил Ставку, как «военно-технический аппарат», нейтральной и обещал ей вооруженную защиту. Представители казачьего союза уговорили Духонина отпустить на Дон быховцев, но Общеармейский комитет воспротивился этому. Наконец, утром 19.11 из Ставки в Быхов приехал полковник Кусонский с известием – через 4 часа Крыленко будет в Могилеве. Выбора не было – немедленно бежать.

Корнилов из заключенного, требовавшего открытого суда, чтобы очиститься от клеветы и высказать всей России свою программу, снова стал самим собой. Он вызвал коменданта тюрьмы и отдал приказ Текинскому полку, охранявшему ее, изготавиться к походу. Для безопасности решили разбиться поодиночке, в разные стороны. Лукомский стал «немецким колонистом», уехал на Москву. Романовский переоделся прапорщиком, Марков – солдатом. На паровозе выехали в Киев. Деникин стал поляком Домбровским, помощником начальника перевязочного пункта, поехал в Харьков. Корнилов взял самое трудное. Во-первых, отвлек внимание преследующих Во-вторых, не хотелось бросать текинцев. Текинцы боготворили его не только как генерала – общего кумира. Сколько для них значило, что полководец был их «земляк», свободно говорил на их родном языке! Были преданы ему до конца – и он считал долгом до конца оставаться с ними. Внутренний караул тюрьмы из полубольшевистского Георгиевского батальона Корнилов приказал построить, поблагодарил за службу. Солдаты проводили его криками «ура!», пожеланиями счастливого пути. В ночь на 20.11 Текинский полк во главе с Корниловым в конном строю покинул Быхов и канул в леса.

Духонина бросили все. Вслед за демократами уехал в Киев верховный комиссар Станкевич. Звал с собой, но опять Общеармейский комитет воспротивился, чтобы генерал бросил пост. Крыленко остановился в Орше, прислал оттуда свой приказ, уже как Главнокомандующий: ударный батальон, охранявший Ставку, срочно перевести в Гомель. Даже одного батальона ударников он боялся. А 19.11 по своей инициативе подтянулись другие ударные бата-

льоны, командиры прибыли к Духонину, просили разрешения остаться для защиты Ставки. И опять Общеармейский комитет высказался против. Духонин, разуверившийся во всем, ответил ударникам:

«Я не хочу братоубийственной войны. Тысячи ваших жизней будут нужны Родине. Настоящего мира большевики России не дадут. Вы призваны защищать Россию от врага и Учредительное Собрание от разгона... Я имел и имею тысячи возможностей скрыться. Но я этого не сделаю. Я знаю, что меня арестует Крыленко, а может быть, меня даже расстреляют. Но это смерть солдатская».

И лишь удостоверившись, что ударники покинули Могилев, Крыленко двинул на Ставку свои эшелоны. Общеармейский солдатский комитет, обещавший «нейтральную» защиту, тут же распустил сам себя и рассеялся. 20 ноября Духонин был арестован прибывшим Крыленко, озверелая толпа матросов растерзала его и долго глумилась над трупом. Обезображенные останки генерала несколько дней валялись под окнами вагона большевистского верховного главнокомандующего.

Последствия ленинского «мира» через головы командования не замедлили сказаться. Эшелоны немецких войск планомерно, систематически потянулись на Западный фронт, Германия избежала катастрофы, мировая война получила продолжение, по крайней мере, на полгода. Унесла еще сотни тысяч жизней. Для России последствия стали еще более жестокими. 10 миллионов солдат одичавшими, неуправляемыми толпами хлынули через всю страну по домам. Все сметали на своем пути, громили крестьянские хозяйства, убивали и насиловали. Захватывали поезда, которые поползли по дорогам, оставляя за собой разбитые вокзалы, разгромленные станции, искалеченный транспорт. Добывали пропитание грабежом, растаскивали и громили казенные склады.

Неподготовленная, необеспеченная, хаотическая, зато политически-важная и выигрышная демобилизация – плод беспримерного по своей глупости росчерка ленинского пера, принесла в Россию новое, еще невиданное явление – разруху.

11. Михаил Васильевич Алексеев

Историография, а уж тем более художественные произведения советских времен создали совершенно ошибочный образ русских офицеров 1917-го. «Поручиков Голицыных» и «корнетов Оболенских», т. е. представителей высшего родового дворянства, среди них было не так уж и много. Кадровое офицерство понесло огромные потери на фронтах, например, почти весь цвет гвардии poleg в 1915 г. в августовских лесах. А представители аристократии, блиставшие мундирами в тыловых штабах, вышли в отставку после отречения царя. Верхушка «высшего света» была достаточно космополитична, родственно связана с зарубежной аристократией, и значительная ее часть благоразумно перебралась за границу еще до Октябрьского переворота. А основная масса армейского офицерства была рядовой, служилой интеллигенцией, призванной из запаса. Учителя, инженеры, юристы, студенты, взятые после 3-го курса, выслужившиеся из солдат и вольноопределяющихся.

Например, даже в высшем эшелоне белой Добровольческой армии всего 15 % командиров были из дворянства. Около 90 % не имели недвижимой собственности, ни родовой, ни купленной (в том числе Корнилов, Деникин, Алексеев). Что уж говорить о рядовых белогвардейцах? Из 4 тысяч участников корниловского Ледяного похода менее 500 были кадровыми офицерами, остальные интеллигенты-разночинцы призыва военного времени.

Большевистская демобилизация оставила не у дел 400 тысяч офицеров. Первым, кто начал организовывать их для борьбы с узурпаторами, стал генерал от инфантерии М. В. Алексеев. Он родился в 1857 году в семье рядового солдата, взятого из крепостных и тянувшего нелегкую 25-летнюю лямку. Рос при полку и сам пошел на службу рядовым. В боях русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был за доблесть произведен в прапорщики. И еще 10 лет служил на низших офицерских должностях, самостоятельно занимаясь учебой, поскольку не имел никакого образования и не знал иностранных языков, привычных в то время для любого офицера. Затем поступил в Академию Генштаба, где были замечены его незаурядные таланты. В русско-японской войне участвовал генерал-квартирмейстером 12-й армии, потом стал начальником Академии Генштаба. Активно участвовал в реорганизации армии после поражения.

В мировую войну вступил начальником штаба Юго-Западного фронта – именно ему этот фронт был обязан громкими победами в 1914 г. Командовал Западным фронтом в тяжелый период отступления, вызванного нехваткой боеприпасов, но и здесь проявил себя блестящим полководцем, мастерски выведя свои армии из стратегического окружения, которое готовил им Людендорф. В 1915 г., когда Верховным Главнокомандующим, отстранив великого князя Николая Николаевича, стал сам царь, Алексеев был назначен у него начальником штаба, т. е. фактически главнокомандующим – конечно же, не царю, а ему приходилось решать все стратегические вопросы и осуществлять практическое руководство войсками. В этот период у него начала развиваться тяжелая болезнь почек, но генерал, сознавая легший на него груз ответственности, откладывал лечение до окончания войны.

После Февральской революции он стал и юридически Верховным Главнокомандующим. И был снят 22.5, когда высказался резко против «Декларации прав солдата», подписание которой было уже решено Керенским. Когда заслуженному полководцу, не потравившему новому начальству, пришлось неожиданное предписание об отставке, он горько усмехнулся и сказал Деникину, своему начальнику штаба: «Рассчитали, как прислугу...»

Его отличали простота и удивительная скромность. Он никогда не лез на передний план, на первые роли. И трудился с редкой самоотдачей не ради красивой позы, а ради результата. Корнилова, дерзкого и решительного, всеобщее мнение прочило в Пожарские Белой гвардии. Алексеев стал ее Мининым. 30.10 в Петрограде, на чужой квартире, где его укрыли прибли-

женные, он убедился в безнадежности положения столицы и выехал на Дон. Там, под прикрытием казачьих полков, – пусть пассивных, пусть нейтральных – он надеялся организовать ядро новой армии для спасения страны.

2 ноября приехал в Новочеркасск. Этот день стал новой точкой отсчета. Позже он был признан в антикоммунистических кругах как официальная дата рождения Белого Движения.

Атаман А. М. Каледин встретил его сочувственно. Но уже и на самом Дону обстановка оказалась крайне сложной. Вовсю шли конфликты между казаками и «иностранцами» – крестьянами, поселившимися здесь позже казаков. Теперь они объявляли себя большевиками, желая передела в свою пользу казачьих земель. Начались конфликты между старыми станичниками, отстаивавшими традиционные казачьи порядки, и молодыми фронтовиками, которые возвращались домой изрядно развращенными, отвыкшими от труда, отравленными политикой и агитацией. Каледин опасался, что формирование Алексеева может обострить ситуацию. Убежище предоставил, но просил при первой возможности перебраться за пределы области, например, в Ставрополь.

В тот же день Алексеев послал в Петроград условную телеграмму об отправке надежных офицеров. Один из лазаретов на Барочной улице стал общежитием. Так началась армия. Не было ни вооружения, ни обмундирования, ни денег. В ноябре сумма пожертвований от частных лиц и финансовых организаций составила всего 400 рублей. А. И. Деникин пишет: «Было трогательно видеть, как бывший Верховный Главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахара и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей».

Одну серьезную ошибку совершил Алексеев. Привыкший все делать обстоятельно, не признающий ни малейшего авантюризма, он промедлил бросить клич офицерству с призывом собираться на Дон: «Как же я могу обратиться с таким воззванием, раз в моем распоряжении нет средств? – говорил он. – Ведь и теперь, когда имеется всего около пятисот офицеров и юнкеров, я не сплю по ночам, думая, как мне их прокормить, как их одеть».

В результате воззвание вышло только в декабре, когда дороги на Дон уже были перекрыты фронтами. А пока ехали, направляемые петроградскими и московскими организациями. Ехали другие, в одиночку и группами, на свой страх и риск. Просто – на Дон. Интуитивно и на основании слухов надеясь, что там сохранилась Россия, власть, сопротивление большевикам.

Положение добровольцев на Дону было сначала критическим. Юридически их соглашались считать «беженцами». Но со всех сторон выражали недовольство. Старое казачество, Круг, даже Донское правительство надеялись на соглашение с советской властью, близоруко мечтали отсидеться за «государственной границей». И не хотели злить большевиков, давая приют офицерам. А левая печать, зараженные большевизмом фронтовики и распропагандированные рабочие вовсю обрушивались на «сборище контрреволюционных элементов», вели яростные агитационные кампании. Атаману до поры до времени удавалось сдерживать нападки только старинным казачьим законом: «С Дона выдачи нет!»

22–23.11 разными путями приехали узники Быховской тюрьмы – А. И. Деникин, А. С. Лукомский, С. Л. Марков, И. П. Романовский. Добрались с массой приключений. Лукомский в Орше, забитой матросами Крыленко, вынужден был ночевать в публичном доме. До Смоленска ехал с двумя дамами в вагонном сортире, до Москвы чуть не замерз на открытой площадке. А от Москвы до Дона стоял в коридоре. Марков, одетый солдатом, митинговал с «товарищами» и бегал им за папиросами. Деникин ехал более удобно – на третьей полке с двадцатью человеками в купе. Сжимая при проверках документов в кармане револьвер, который потом оказался неисправным. Конспирировались так по-детски неумело, что их, разыскиваемых по всем дорогам, не поймали только из-за халатности и расхлябанности патрулей.

Каледин принял и быховцев. Но посоветовал временно уехать с Дона – ведь их имена все левые связывали с «корниловщиной» и контрреволюцией. Атаман не настаивал на отъезде, но при возможности просил где-нибудь переждать. Лукомский уехал на Терек Деникин и Марков – на Кубань. Однако обстановка сама укрепила позиции добровольцев. 20.11 в Новочеркасске начали бузить два запасных (неказачьих) полка. Разоружить их и выслать с Дона сил не нашлось. Донцы, кроме атаманского конвоя и юнкеров, выполнять этот приказ отказались. Каледин обратился к «алексеевской организации». Впервые она выступила в качестве вооруженной силы...

А вскоре к Таганрогу подошли миноносец и тральщики с черноморскими матросами. Тральщики поднялись по Дону до Ростова, высадили десант. 26 ноября местные большевики совместно с ними захватили город. Образовался ВРК, призвавший к войне против «контрреволюционного казачества», начались погромы и убийства. И опять казачьи части идти на Ростов отказались. Тогда Каледин явился к Алексееву и сказал.

«Я пришел к вам за помощью. Будем, как братья, помогать друг другу. Всякие недоразумения между нами кончены. Будем спасать, что еще возможно спасти».

Отряд в 500 штыков выступил на Ростов. К нему присоединились новочеркасские юнкера, кадеты, добровольцы. Узнав о приближении неприятеля, ВРК организовал оборону. Войск в его распоряжении хватало – город был переполнен солдатней запасных полков и возвращающихся с фронта частей. Конечно, это была малонадежная разложившаяся масса, но цементирующими звеньями стали отряды черноморских матросов и Красной гвардии – на ростовских складах нашлось много оружия, что дало возможность сколотить формирования из местных рабочих и люмпенов. Сражение началось у ростовского предместья Нахичевани (ныне в черте города). Белые развернули наступление вдоль железнодорожной линии Новочеркасск – Ростов. В центре боевых порядков жиденькой цепью шли офицеры-алексеевцы, на правом фланге – юнкера, на левом – донские добровольцы генерала Попова. Их встретила лавина винтовочно-пулеметного огня. Тем не менее алексеевцы атаковали – во весь рост, почти не залегая, с винтовками на ремнях и стреляя на ходу. Их атака, сосредоточив на себе внимание красных, помогла фланговым отрядам совершить глубокий охват неприятельских позиций. Ворвались на линию большевистской обороны, ударили в штыки. Части ВРК побежали, и белогвардейцы вышли к городским окраинам.

Однако зацепиться там им не дали. Красногвардейцы остановились, простреливая узкие улочки. Жестокий артиллерийский огонь открыли орудия тральщиков, стоящих на Дону. Вскоре они смогли пристреляться, густо поливая шрапнелью расположение белых. Наступление захлебнулось. Под прикрытием артогня красные опомнились, перегруппировали силы, и перешли в контрнаступление. К вечеру калединцы и алексеевцы вынуждены были отступить.

Бои под Ростовом заставили одуматься несколько колеблющихся казачьих частей, и они двинулись на помощь к белогвардейцам. На следующий день сражение возобновилось. Оно продолжалось шесть суток. На подступах к городу, в предместьях, а затем и на улицах. Городской вокзал 5 раз переходил из рук в руки. Пленных не брала ни та, ни другая сторона. Наконец, к 2 декабря вся масса большевистских формирований, скопившихся в Ростове, была разгромлена и бежала, оставив город.

Этот рейд стал боевым крещением «алексеевской организации». Одновременно она получила на Дону легальный статус. Ей стали оказывать помощь в снабжении и вооружении. Но ломались и все планы. Если Алексеев рассчитывал под защитой донцов сформировать костяк будущей армии, то теперь этот ничтожный зародыш сам становился защитником Дона.

12. Добровольческая армия

Первое сопротивление большевикам еще не было реакцией на их политику. Они еще не проявили себя. Это была реакция на насильственный захват власти, сопряженный с кровавым разгулом анархии. Соответственно и тактика первого сопротивления была пассивной – не пускать самозванцев в свой город, область, край. В крупных городах это выразилось самоубийственной борьбой юнкеров, саботажем интеллигенции. Более прочными узлами сопротивления стали области казачьих войск Донское – с атаманом Калединым, Кубанское – с Филимоновым, Терское – с Карауловым, Оренбургское – с Дутовым. Защищаться «государственными границами» пробовали и национальные окраины. О самостоятельности заявили Украина, Финляндия, об автономии – Эстония, Бессарабия, Крым, Закавказье.

Прочность позиции казачества во многом определялась самым крупным войском – Донским. Соответственно главной фигурой казачьего сопротивления стал Алексей Максимович Каледин. Он родился в 1861 г. в семье казачьего офицера. Служил в Киевском округе, Генштабе, в Донском войсковом штабе. А прославился в мировую войну. Там же, где Корнилов с Деникиным. 12-я кавалерийская дивизия, которой он командовал, наступала на Карпаты в авангарде 8-й армии Брусилова и одержала ряд блестящих побед. Каледин, «вторая пашка России», упорный, расчетливый и всегда спокойный, не посылал, а сам водил в бой своих кавалеристов. Казаки любили его и верили безоголосно. Командовал затем 12-м армейским корпусом, а после ухода Брусилова на командование фронтом принял у него 8-ю армию. Она явилась ударной в знаменитом Брусиловском прорыве и внесла основной вклад в победу, разгромив и уничтожив 4-ю австрийскую армию. Когда произошла революция, он категорически не захотел мириться с комитетами и «демократизацией». По этому поводу вошел в конфликт с Брусиловым и ушел с фронта в Военный совет.

К лету началось движение казаков за автономию. Первоначальной причиной стало опасение всеобщего уравнительного передела казачьих земель. Министр земледелия Чернов на Крестьянском съезде недвусмысленно заявил, что казаки имеют большие надель, и теперь им придется поступиться частью земли. 8 июня на Дону собрался Войсковой Круг – 700 делегатов от станиц и полков. Кандидатуру Каледина единодушно выдвинули на пост атамана. Он ответил: «Никогда! Донским казакам я готов отдать жизнь, но то, что будет – это будет не народ, а будут советы, комитеты, советики, комитеттики. Пользы быть не может!»

Однако казаки не хотели никого другого. Избранный громадным большинством голосов после долгих уговоров, он согласился. Скрепя сердце. И оказался прав. Казачьи Круги и правительства, противодействуя совдепам, содержали в себе те же совдеповские недостатки. На Дону политика Круга была более умеренной, большинство относили себя к кадетам, но имелось и сильное эсеровское крыло. А на Кубани подавляющее большинство Рады состояло из эсеров, социал-демократов, украинских самостийников. Власть атаманов всячески урезалась «демократией». Фактически атаман был лишь председателем в заседаниях правительства.

Заседания выливались в нудные словопрения с отстаиванием партийных платформ и спорами по формулировкам. Если Каледину и удавалось чего-то добиться в таких условиях, то лишь благодаря огромному личному авторитету. Его признавал лидером не только Дон. Ото всего российского казачества он выступал на Московском Государственном совещании с декларацией, требующей вывести армию «из кольца политики», возвращения власти командованию и упразднения комитетов. Сказал то, что Керенский запретил выносить на обсуждение Корнилову.

После того как Каледин выразил сочувствие «корниловщине», Керенский в сентябре объявил его изменником, издал приказ о снятии с поста и аресте. Но тут уж вздыбился Дон – «атамана не выдадим!». Его поддержали остальные казачьи войска, грозя отозвать казаков с

фронта, и Временное правительство пошло на попятную, а Керенский раз за разом рассыпался в извинениях перед казачьими делегациями – мол, ошибка вышла. Осенью казаки стали проявлять себя все более оппозиционно по отношению к центральной власти, видя ее слабость и бездеятельность. Уже 5.10 Кубанская Рада приняла постановление о провозглашении своей республики, входящей в Россию на правах федерации. Переговоры с Доном завершились образованием Юго-Восточного Союза из Донского, Кубанского, Терского, Астраханского казачеств, калмыков и Союза горцев Северного Кавказа. Предполагалось привлечь также Уральское войско и Закавказье. С правительством стали говорить языком ультиматумов: «Когда же Временное правительство отрезвится от этого угара, большевистского засилья и положит конец всем безобразиям?»

Трагедия Каледина усугублялась тем, что он никогда не был самостийником. Облеченный доверием казачества, защищая его интересы, он прекрасно сознавал, что все это яйца выеденного не стоит без сохранения российской государственности. 26 октября он заявил о верности Дона Временному правительству, но поскольку связь с центральной властью прервалась, то Донское правительство принимает на себя всю полноту государственной власти в своей области. Считая, что обломки Временного правительства еще должны где-то существовать, искал с ними связь для помощи против большевиков. Даже долго не решался расходовать на нужды Дона денежные запасы из областного казначейства. Но уже не было обломков. Наоборот, осколки всех властей начали стекаться на Дон. Родзянко, Милюков, Алексеев, Корнилов, Савинков. Все нашли приют. В конце ноября прибежал и Керенский. Заявился с визитом к атаману. Но Каледин даже не пожелал принять эту личность.

Между тем положение осложнялось. Большевики вовсе не намерены были соблюдать нейтралитет с казачьими «государствами». Начали формировать карательные экспедиции. Под боком образовалась «Донецкая социалистическая республика». Черноморский флот слал ультиматумы, готовил корабли и десанты. Поначалу казачество и местная демократия относилась к этому без особого страха. В Донском Войске было под ружьем 62 полка, 72 отдельные сотни, десятки артиллерийских батарей. С такой силой область казалась не по зубам никакому сброду.

Но гибель Дона таилась на самом Дону. «Революционная демократия» в каком-то психозе продолжала те же глупости, которые уже погубили ее саму по всей России. Блок эсеров и меньшевиков на крестьянских съездах, в газетах, рабочих организациях выносил одну за другой резолюции недоверия атаману и правительству. Протестовали против военного положения, против разоружения и высылки разложившихся полков, против ареста большевистских агитаторов, проповедовалось «демократическое примирение с большевиками». Правительство тратило все силы на достижение взаимоприемлемых соглашений между партиями и группировками. Созвали одновременный съезд казаков и крестьян. Создали «паритетный» кабинет из 7 представителей казачества и 7 «иностранцев». Стало еще хуже, это только усугубило внутреннюю грызню. Крестьянство не удовлетворилось тем, что ему давали – участие в станичном управлении, широкий прием в казаки, 3 млн. десятин помещичьей земли. Требовали передела всех земель. Съезд иностранцев постановлял разоружить и распустить Добровольческую армию, «борющуюся против наступающего войска революционной демократии».

С фронта начали возвращаться полки. В отличие от солдатских, разбежавшихся толпами, казачьи части формировались из одних станиц, со своими конями и оружием. Поэтому и домой ехали организованно. К тому же оказалось, что организовано легче захватить эшелоны, пропихнуть их через железнодорожный хаос. Иногда прорывались с боем через заслоны большевиков и украинцев Центральной Рады, пытавшихся их разоружить. Прибывали на Дон в полном порядке, зачастую с артиллерией – она ж была своя, донская. Но едва ступали на родную землю, весь порядок кончался. Наплевав на центральное правительство, казаки плевали теперь и на собственное. Больше всего боялись осточертевшей войны и враждебно относились ко

всем, кто звал их куда-то еще воевать. Многие оказались заражены большевизмом, еще больше – анархией, войдя во вкус безвластия.

И расходились по домам, неся анархию туда. Теперь они отвергали традиционный уклад, незыблемый доселе авторитет «стариков», станичную власть. Пошли конфликты «молодых» со «стариками», фронтовиков было больше, они были сильнее, были вооружены, и в большинстве станиц победа оставалась за ними. Перед угрозой нашествия Дон становился беззащитным. Каледин говорил: «Весь вопрос в казачьей психологии. Опомнятся – хорошо. Нет – казачья песня спета».

А между тем генерал Корнилов, покинув Быховскую тюрьму, двигался на Дон походным порядком с Текинским полком. В сильный мороз и гололедицу, дорогами и снежной целиной, лесами и болотами прошли за 7 дней 400 километров. Лошади выбились из сил, застревая в сугробах. Непривычные к зиме туркмены падали духом. Наконец и большевики их выследили. 26.11 полк в лесу нарвался на засаду и отошел под огнем. В тот же день пробовали перейти железную дорогу у станции Унеча. Появился бронепоезд, ударил из пушек и пулеметов. Под Корниловым убило лошадь, несколько человек ранило. Полк рассеялся. Собраться вместе по лесам сумели не все. Решив, что без него полк не будет подвергаться опасности, Корнилов отправил его в ближайшее местечко, а сам сделал попытку двигаться с отрядом в 44 человека. Снова попали в засаду, были окружены. Прорвавшись через три дня, вернулись к полку. Корнилов был болен, едва держался в седле. Последние переходы его поддерживали под руки. Не желая больше никого подвергать риску, он переоделся в заношенный зипун, стоптанные валенки и сел на ближайшем полустанке в поезд, идущий на юг. 6 декабря под документами крестьянина Иванова, беженца из Румынии, он приехал в Новочеркасск.

Текинский полк отправил телеграмму Крыленко, что Корнилов пропал без вести при обстреле с бронепоезда. Больше его не преследовали. Путешествуя по Украине, полк попал в Киев. Отправить его на Дон Рада отказалась, и часть была расформирована. Десяток офицеров и взвод всадников все-таки пробрались к Корнилову и сражались в рядах белогвардейцев, были его личным конвоем. Стекались и другие корниловцы. С Кубани и Кавказа были вызваны генералы Деникин, Марков, Лукомский, Эрдели.

Корниловский ударный полк под командованием Неженцева в дни Октябрьского переворота комиссар Временного правительства Григорьев вызвал в Киев. Вместе с юнкерами повоевали здесь с большевиками комиссара Пятакова. Когда большевиков поддержала Центральная Рада, Григорьев начал переговоры. В результате юнкерские училища отправили на Дон, а корниловцев Петлюра... пригласил к себе на службу. Отказавшись, Неженцев просил у Ставки разрешения уйти к Каледину. Ставка, еще духонинская, запретила. А после ее разгрома стало трудно уехать. Украинцы пропускали только казачьи эшелоны, как «нейтральные». Но казаки брать с собой корниловцев не желали. Тогда эшелон с имуществом и вооружением отправили под фальшивыми документами. А советскому начальству доложили, что полк разбежался – это было в порядке вещей. И поехали поодиночке, группами. В течение декабря на Дону собрались 50 офицеров и 500 солдат-корниловцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.